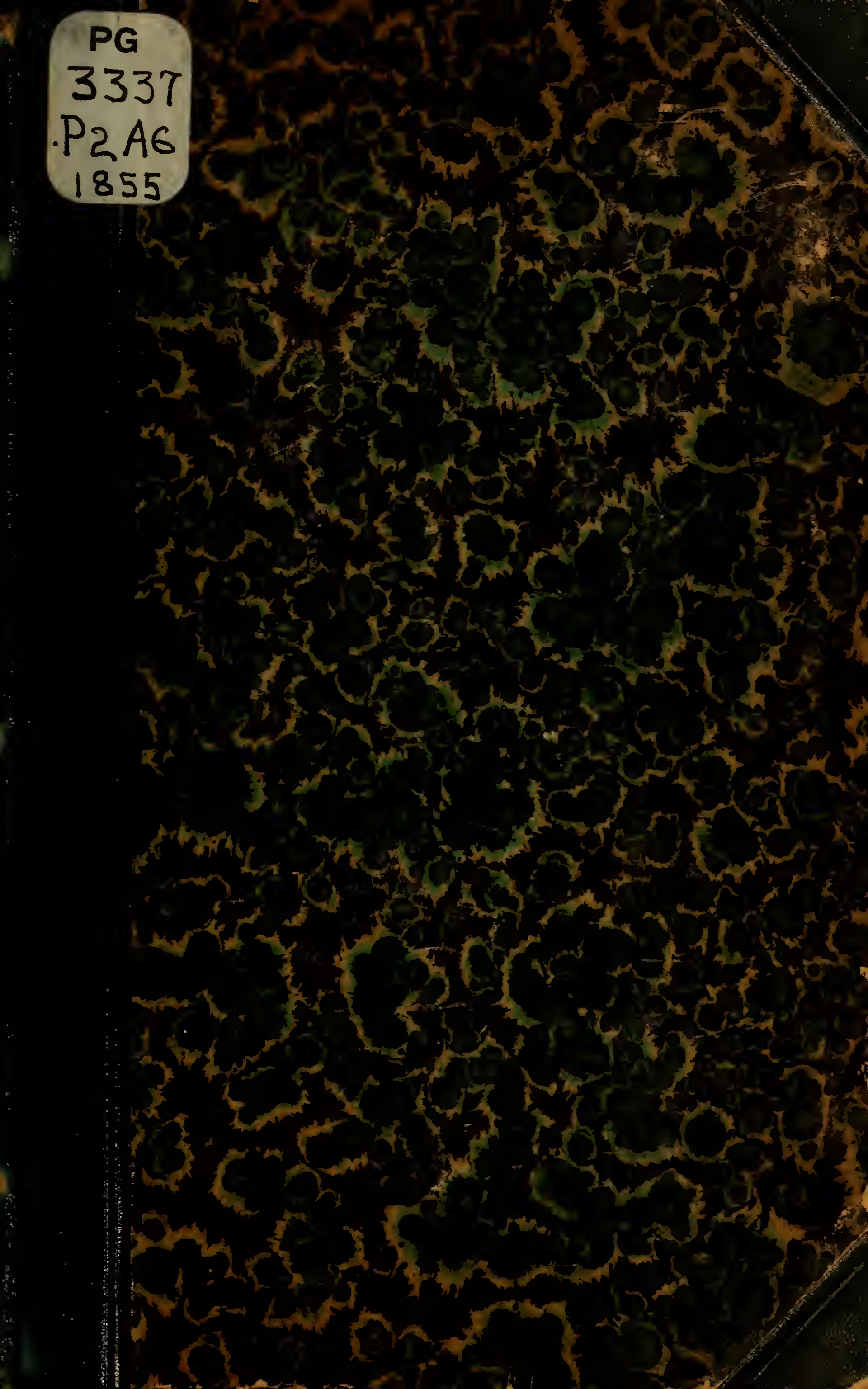

PG
3337
.P2A6
1855

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

СОБРАНІЕ
СТИХОТВОРЕНІЙ
НОВАГО ПОЭТА

СОБРАНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ

НОВАГО ПОЭТА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГЛАВНАГО ШТАБА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ

1855

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 26 февраля 1855 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ДВА СЛОВА ОТЪ АВТОРА.

Страсть къ стихотворству развилась во мнѣ съ раннихъ лѣтъ. Я началъ писать стихи на двѣнадцатомъ году. До тридцати-пяти лѣтъ я воображалъ себя поэтомъ и стихи свои считалъ дѣломъ серьёзнымъ. Я написалъ по крайней мѣрѣ до сорока тетрадей стиховъ, довольно складныхъ и гладкихъ, отъ которыхъ мой учитель словесности былъ въ восторгѣ. Онъ говорилъ: «Это такіе цвѣтки въ вертоградѣ нашей словесности, мимо которыхъ нельзя пройдти не полюбовавшись.»

Поощряемый лестнымъ отзывомъ учителя, я предался стихотворству еще съ бо̀льшимъ рвеніемъ. Стихъ мой, по мѣрѣ упражненія, принималъ ту гибкость и звучность, ту внѣшнюю обработку и лоскъ, которыя еще нѣсколько лѣтъ назадъ тому смѣшивались съ поэзіей.

Я воспѣвалъ сначала разгулъ юности, вакхическія сходки, хересъ бархатный и чудно-маслянистый и

> .... напитокъ свой, народной —
> Простое, пѣнное, чистѣйшее, *безъ травъ*.

потомъ различныхъ *чудныхъ* и *азіятскихъ дѣвъ*, пропитанныхъ *мускусомъ*, съ *косами, которыя бились до пятъ воронёными каскадами.* Все это озадачило не только моего учителя словесности, но даже и многихъ весьма почтенныхъ литераторовъ, изъ коихъ одинъ превозгласилъ меня по преимуществу *поэтомъ мысли*. Я надѣлалъ шуму. Стихи мои съ мускусами и каскадами вся читающая публика выучивала наизусть.

Я сдѣлался гордъ и началъ замышлять колоссальныя драматическія фантазіи, чтобы окончательно убить всю предшествующую литературу.... Сочинивъ нѣсколько такихъ фантазій, листовъ въ десять печатныхъ каждую, я сталъ читать ихъ

моимъ друзьямъ и знакомымъ. Друзья и знакомые увѣряли, что я пошелъ далѣе Пушкина. Самъ я для себя уже давно, впрочемъ, рѣшилъ это.

Время между тѣмъ шло. Мои вакхическія пѣсни съ хересомъ и пѣннымъ виномъ и мои чудныя дѣвы были забыты. Скоро забыли и мои драматическія, колосальныя фантазіи.

Это меня сильно смутило.... Я не зналъ, что дѣлать и въ смущеніи то принимался снова писать мелкія стихи, въ томъ туманномъ и неопредѣленномъ родѣ, который былъ у насъ въ сильномъ ходу въ одно время, то подражалъ Гейне, то усиливался воскрешать греческій и римскій міры въ драмахъ, поэмахъ и антологическихъ пьесахъ. Все это однако мало удавалось мнѣ. На меня почти уже не обращали вниманія.

Я ожесточился и сталъ горько жаловаться на публику, говоря, что она не понимаетъ поэзіи и что для нее не стоитъ писать. Въ припадкахъ оскорбленнаго авторскаго самолюбія я клеймилъ даже XIX вѣкъ обидными прозвищами — анти-поэтическаго, сухаго, положительнаго, меркантильнаго, и прочее.

Когда раны, нанесенныя моему самолюбію, стали мало по малу затягиваться и заживать, я

призадумался, углубился въ самого себя и перечелъ все мною написанное.... Результатомъ этого было то, что я началъ впервые сомнѣваться въ своемъ поэтическомъ призваніи. Это сомнѣніе мучило меня, и для развлеченія себя, я принялся внимательно читать и изучать истинныхъ поэтовъ.

Тогда-то, увы! я понялъ вполнѣ, что непрочность моихъ успѣховъ и наконецъ равнодушіе къ моимъ послѣднимъ произведеніямъ—заключаются во мнѣ самомъ; что публику и вѣкъ обвинять въ этомъ равнодушіи не за что; что я никогда не имѣлъ искры поэтическаго таланта, а только писалъ болѣе или менѣе звучные, гладкіе и громкіе стихи; что одна внѣшняя, даже щегольская форма въ художественныхъ произведеніяхъ, безъ внутренняго содержанія, — ровно ничего не значитъ; что внутреннее содержаніе дается убѣжденіемъ и мыслію, которыхъ у меня не было; что громкій стихъ не согрѣтый изнутри, не звучащій убѣжденіемъ, не проникнутый мыслію, не освѣщенный вдохновеніемъ поражаетъ только ухо, а не душу.

Сознавъ все это, я вдругъ почувствовалъ озлобленіе къ своимъ твореніямъ и началъ писать на

нихъ пародіи. Вотъ какъ объясняется появленіе *Новаго Поэта*.

Эти пародіи, печатавшіеся въ періодическихъ изданіяхъ, были принимаемы впрочемъ нѣкоторыми за серьёзныя произведенія. На одну изъ такихъ пародій, начинающуюся стихомъ:

Густолиственныхъ клёновъ аллея....
и прочее.

написана даже въ Москвѣ г. Дмитріевымъ прекрасная музыка....

Теперь *Новый Поэтъ* собралъ всѣ свои пародіи, разбросанныя по разнымъ изданіямъ въ одну книжку, единственно для того, чтобы еще болѣе подтвердить мысль, которую онъ преслѣдуетъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, что можно не имѣя ни малѣйшаго поэтическаго таланта писать гладкіе, звучные и громкіе стихи и что такіе стихи есть трудъ чисто-механическій, очень легкій въ настоящее время....

Сколько у насъ еще до сихъ поръ людей, пишущихъ стихи и воображающихъ себя поэтами!... Кто знаетъ? можетъ быть, предлагаемая книжка подѣйствуетъ хотя на однаго изъ таковыхъ благотворно, и заставитъ его сознаться внутренно, что

и его стихи — не поэзія и что вообще составленіе стиховъ безъ поэзіи самое пустое и безполезное препровожденіе времени, которымъ каждый благомыслящій человѣкъ обязанъ дорожить... Если такая надежда осуществится, хоть на одномъ стихотворцѣ, книжка издана не даромъ и *Новый Поэтъ* достигъ своей цѣли.

15 февраля, 1855.

I.

НА ДОРОГѢ.

Я ѣду просѣкой.... Зеленою стѣной
Деревья высятся направо и налѣво;
Въ прогалинахъ лѣсныхъ мелькаютъ предо мной
Густыя зелени недавняго посѣва.

Роскошный черноземъ подернулъ падшій листъ,
Орѣшникъ пожелтѣлъ и облетѣла роза....
Свѣжо.... Лишь изрѣдка раздастся только свистъ
И вдругъ зашелеститъ плакучая береза.

Вся роща звуками и пѣснями полна.
Вотъ въѣхали въ чащу. Дорога сжалась узко....
Пронзительно кричитъ нахальная желна,
Трещитъ болтливый дроздъ и свищетъ трясогузка.

На темномъ ельникѣ краснѣетъ ярко кленъ;
Сквозь листья рѣзкою багровой полосою
Виднѣется заря.... Я въ думу погруженъ,
И грудь моя полна безвыходной тоскою.

На срубленной соснѣ, насупившись, сидитъ
Ворона, каркая.... И тяжело и больно!
Печальной осени кругомъ печальный видъ
Припоминаетъ мнѣ прошедшее невольно.

Остановилъ коней, изъ брички вылезъ вонъ....
Стою.... гляжу назадъ.... А сердце такъ и гложетъ....
И все мнѣ кажется, какъ будто бы сквозь сонъ,
Что съ разу угадать мой стихъ никто не можетъ!...

II.

ПОЭТЪ.

Въ предѣлахъ дальней высоты,
Гдѣ носятся планетъ плеяды
И звѣздъ блистаютъ миріады,
Онъ водрузилъ свои мечты;
Среди небеснаго объема,
Преградъ не зная ни отколь,
Онъ въ облакахъ, въ сосѣдствѣ грома,
Земную позабылъ юдоль.
Игру мірскаго треволненья
Онъ прихотливо пренебрегъ,
Но въ бурномъ вихрѣ вдохновенья
О братьяхъ позабыть не могъ.
Надъ нимъ таинственныя мысли
Какъ тучи черныя нависли;
И — тѣломъ прахъ, душой колоссъ,
Свѣтило и надежда вѣка —
Онъ погрузился весь въ вопросъ
О назначеньи человѣка....
Не тщетно онъ пыталъ судьбу,

Не тщетно онъ виталъ въ эѳирѣ,
Печаль и тайную борьбу
На громкой возвѣщая лирѣ....
Вдругъ грянулъ колоколъ глухимъ
И перекатнымъ звономъ —
И мѣднымъ языкомъ своимъ,
Съ гудѣньемъ и со стономъ,
Вѣщалъ таинственный отвѣтъ,
Душѣ его понятный —
И очутился вдругъ поэтъ
Въ пустынѣ необъятной:
Кругомъ шумятъ толпы людей
Съ ихъ суетностью дикой,
Но онъ одинъ, какъ средь степей
Угрюмый и великій! —
И все что радуетъ другихъ,
Ему смѣшно и ложно....
Да счастье для натуръ такихъ
Едва ли и возможно!...

III.

* *
*

Напрасно говорятъ, что я гонюсь за славой
И умствую. Меня никто не разгадалъ!
Нѣтъ, къ головѣ моей чернокудрявой,
Вѣнчанной миртами, умъ вовсе не присталъ.
Нѣтъ, что мнѣ умствовать! къ чему? вопросы дня
И смысла здраваго прямое направленье
Меня не трогаютъ, не шевелятъ меня:
Когда въ движеньи умъ — мертво воображенье....
Не миръ дѣйствительный — однѣ мнѣ нужны грезы,
Одна поэзія душѣ моей нужна!
Порой салонный блескъ, мазурка, полька, слезы,
Порою мрачный гротъ и томная луна....
При ослѣпительномъ и яркомъ свѣтѣ бала,
Съ букетомъ ландышей и пышныхъ тюберозъ,
Иль одинокая подъ сумракомъ березъ,
Я съ наслажденіемъ мечтаю и мечтала.
Напрасно жь говорятъ, что я гонюсь за славой
И умствую.... Меня никто не разгадалъ!
Нѣтъ, въ головѣ моей чернокудрявой,
Я повторяю вамъ: умъ вовсе не присталъ.

Село Ѳекла.

IV.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Гдѣ вы товарищи? Куда занесъ васъ рокъ?
Вы помните ль, какъ мы, хмѣльной отваги полны,
Собравшись въ дружески-отчаянный кружокъ
Шумѣли будто бы въ рѣчномъ разливѣ волны?
Тѣхъ дней не воротить! Всѣму своя пора!...
Они изчезнули, какъ свѣтлое видѣнье....
Блаженъ, кто пьянствовалъ отъ ночи до утра
Изъ бочекъ черпая любовь и вдохновенье!
Блаженъ, стократъ блаженъ!... Встрѣчая новый годъ
Въ мечтѣ я прошлые года переживаю,
Безпечные года возвышенныхъ заботъ
И издалека къ вамъ, товарищи, взываю!
Пріймите дружески-бурсацкій мой привѣтъ,
Порывъ души моей студенческой и чистой, —
Студенческой, друзья, (хотя мнѣ *сорокъ* лѣтъ!)
За ваше здравіе и счастье вашъ поэтъ
Пьетъ хересъ бархатный и чудно-маслянистый!

V.

СЕРЕНАДА.

Въ томной нѣгѣ утопая,
Сладострастія полна,
Луннымъ свѣтомъ облитая
Вотъ Севилья, вотъ она!

Упоительно-прекрасенъ,
И вкушая сладкій миръ,
Вотъ онъ блещетъ гордъ и ясенъ
Голубой Гвадалквивиръ!

Близь порфировыхъ ступеней,
Надъ заснувшею водой,
Тамъ, гдѣ двѣ сплелись сирени —
Андалузецъ молодой:

Шляпа съ длинными полями,
Плащъ закинутъ за плечо,
Двѣ морщины надъ бровями,
Взоръ сверкаетъ горячо.

Подъ плащемъ его — гитара
И кинжалъ — надежный другъ;
Въ мысляхъ — только донья Клара....
Чу! — и вдругъ гитары звукъ.

Съ первымъ звукомъ у балкона
Промелькнула будто тѣнь....
То она, въ тѣни лимона,
Хороша, какъ ясный день!

То она! и онъ трепещетъ,
Звуки льетъ, какъ соловей,
Заливается — и мещетъ
Огнь и пламень изъ очей.

Донья внемлетъ въ упоеньи,
Ей отрадно и легко....
Въ этихъ звукахъ, въ этомъ пѣньи
Все такъ страстно-глубоко!

Подъ покровомъ темной ночи,
Пѣсни пламенной въ отвѣтъ,
Потупляя скромно очи,
Донья бросила букетъ.

Въ томной нѣгѣ утопая,
Сладострастія полна,
Луннымъ свѣтомъ облитая,
Вотъ Севилья, вотъ она!

VI.

КЪ МАТЕРИ.

Въ глубокую полночь, въ таинственный часъ,
Съ молитвой, я шелъ на кладбище,
Гдѣ горько я плакалъ — и плакалъ не разъ,
Гдѣ матери милой жилище!

Родная! какъ тихъ и отраденъ твой сонъ
Въ далекой и мрачной могилѣ!
Путь горя, путь терній тобою пройденъ....
Мы вмѣстѣ страдали и жили, —

И вмѣстѣ съ тобой я мечталъ умереть....
Мечтанье мое не свершилось!
Еще суждено мнѣ и жить и скорбѣть,
Но сердце въ борьбѣ истомилось.

О матерь! одинъ, сирота, безъ друзей,
Алкая возвышенной пищи,
Я въ немощи горькой и страшной моей,
Скитаюсь здѣсь въ мірѣ, какъ нищій!

Напрасно, стеная, я сердца искалъ,
Ко всѣмъ простирая объятья:
Мой вопль, какъ въ пустынѣ увы! замиралъ
При бѣшеныхъ кликахъ проклятья.

И нынѣ бѣгу отъ бездушныхъ людей
Къ тебѣ на кладбище, родная!
Мнѣ легче лежать на могилѣ твоей,
Въ горючихъ слезахъ утопая!

VII.

КЪ АЗІЯТКѢ.

Вотъ она — звѣзда востока,
Неба жаркаго цвѣтокъ!
Въ сердце дѣвы страстно-окой
Льется пламени потокъ!

Груди бьются, будто волны,
Пухъ на дѣвственныхъ щекахъ
И роскошной нѣги полны,
Рдѣютъ розы на устахъ;

Брови черныя дугою
И зубовъ жемчужный рядъ,
Очи — звѣзды подо мглою —
Провозвѣстники отрадъ!

Все любовію огнистой,
Сумасбродствомъ дышетъ въ ней....
И курчаво-смолянистой
На плечѣ побѣгъ кудрей....

Дѣва юга! предъ тобою
Бездыха免енъ я стою:
Взоромъ адскимъ, какъ стрѣлою
Ты пронзила грудь мою!...

Этимъ взоромъ, этимъ взглядомъ
Чаровница! ты мнѣ вновь
Азіятскимъ злѣйшимъ ядомъ
Отравила въ сердце кровь!...

VIII.

Къ ***.

Почтительно любуюся тобою
Издалека.... Ты яркой красотою,
Какъ пышный цвѣтъ, торжественно полна,
Ты царственно, ты дивно создана!

Промчишься ли въ блистающей каретѣ,
Тобою безкорыстно вдохновленъ, —
Творю тебѣ обычный мой поклонъ,
Ни мало не заботясь объ отвѣтѣ.

Окружена поклонниковъ толпой,
Сидишь ли ты въ великолѣпной ложѣ,
Я думаю: «какъ хороша, о Боже!»
Едва восторгъ удерживая мой.

Души моей высокое стремленье,
Мой драгоцѣнный, задушевный кладъ!
Брось на меня хоть не нарокомъ взглядъ, —
Твой каждый взглядъ родитъ стихотворенье!

IX.

REQUIEM.

Въ ушахъ моихъ Requiem страшно звучалъ
И мрачно на улицахъ было,
Лишь тамъ на верьху огонекъ чуть мерцалъ
Сквозь красную штору у милой.

И холодъ по жиламъ моимъ пробѣжалъ
И сердце болѣзненно сжалось;
Я болѣе года ее не видалъ....
Что съ ней, съ моей милою сталось?

Темна была ночь, ночь была холодна
И вѣтеръ свистѣлъ такъ уныло....
Въ гробу, какъ живая, лежала она
И полночь на башнѣ пробило.

X.

ПЕРЕДЪ БАЛОМЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ

Красоточки, чечеточки
Бѣснуются, волнуются..
Гребеночки и щеточки
На столикѣ красуются....

На балъ! на балъ!
— Скорѣй, скорѣй
Подай корсетъ. —
«Онъ узокъ сталъ.»
— *Комъ эль э бэтъ!*
И барышня румянится,
Ломается, жеманится.. .
Все онъ въ мечтахъ
Кавалергардъ!
Но *прене гардъ* —
Онъ молодъ страхъ....
Трепещетъ *кёръ*....
— Ахъ, *кэль бонёръ!*

Тамъ будетъ онъ:
Ну полькеронъ....
И туалетъ
Къ концу идетъ....
Затянутъ станъ.
— Машеръ, скорѣй!
Кричитъ *maman*
Изъ двери ей....
И вотъ мамзель
Стоитъ предъ ней....
«*Комъ эль э бэль!...*

Красоточки, чечеточки
Бѣснуются, волнуются....
Гребеночки и щеточки
На столикѣ красуются....
. . . .
. . . .

XI.

БУДТО ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Густолиственныхъ клёновъ аллея
Для меня ты значенья полна:
Хороша и блѣдна, какъ лилея,
Въ той аллеѣ стояла она.

И головку склонивши уныло,
И глотая слезу за слезой,
«Позабудь, если можно, что было»,
Прошептала, махнувши рукой.

На нее, какъ безумный смотрѣлъ я
И луна освѣщала ее;
Разставаяся съ нею, терялъ я
Все блаженство, все счастье мое!

Густолиственныхъ клёновъ аллея
Для меня ты значенья полна:
Хороша и блѣдна, какъ лилея,
Въ той аллеѣ стояла она.

XII.

* *
*

Болота и степь и окрестъ ни кусточка
Вотъ утка вздрогнула въ густомъ тростникѣ,
Взвилась, и колышется въ небѣ какъ точка,
Засохшая ива торчитъ въ далекѣ,
Пары отъ болота — и мѣсяцъ кровавый
Взошелъ, разливая свой отблескъ на нёмъ...
Душа разгорается жаждою славы,
А тѣсно и душно и страшно кругомъ!

XIII.

СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты вакхической нѣги полна,
Ты статна, ты роскошно прекрасна....
И округлость грудей и плечей бѣлизна
И твой взглядъ упоительно-страстный
И движеній краса и лукавость рѣчей, —
Все въ тебѣ такъ соблазномъ и пышетъ;
Отвести отъ тебя невозможно очей
И все слушать хотѣлось бы рѣчи твоей
Кто твой голосъ однажды услышитъ....
Одинъ я равнодушенъ и мраченъ съ тобой,
Современными мыслями полный,
И вопросы кипятъ въ головѣ молодой,
Какъ у берега бурныя волны.
Величаво изъ гроба встаютъ предо мной
Колосальныя, дивныя тѣни,
Въ то мгновенье, когда вся толпа предъ тобой
Преклоняетъ въ восторгѣ колѣни!

Ты меня не поймешь. Цѣлый мiръ
Предо мной для тебя непонятный:
Гёте, Гегель, Гомеръ и Шекспиръ,
Мрачный Дантъ и Байро́нъ необъятный.

XIV.

СЕЛЬСКАЯ ТИШИНА.

Ужь солнце медленно сокрылось за горою,
Означивъ свой закатъ огнистой полосою;
Прохлада чудная дневной смѣнила жаръ;
Надъ ближнимъ озеромъ поднялся бѣлый паръ
И слышно въ воздухѣ цвѣтовъ благоуханье....
Природа нѣжится въ таинственномъ молчаньи,
Лишь тамъ въ запущенномъ, заглохнувшемъ саду
Лягушки плещутся и квакаютъ въ пруду....
«Жить въ сельской тишинѣ,—какое наслажденье,
Имѣя такъ какъ я доходное имѣнье
И добрыхъ мужичковъ! Въ опредѣленный срокъ
Разъ въ годъ сбирая съ нихъ умѣренный оброкъ,
И прибавляя все — благодаренье Богу!
Къ наслѣдью отчему землицы по немногу.»
Такъ долго думалъ я и долго любовался
Природы красотой. Передо мной являлся
Порою Дормидонъ съ небритой бородой,
Чтобъ трубку вычистить докуренную мной....

Но вотъ ужь тѣнь легла на нивы и поляны,
Вотъ мѣсяцъ выглянулъ и полный и румяный
Блѣднѣе и блѣднѣй на тверди голубой;
Вотъ песъ откликнулся на крикъ сторожевой ...
Дрема долитъ меня и очи мнѣ смѣжаетъ....
На сонъ грядущій мнѣ постель приготовляютъ
Пора и на покой, пора!... Покушавъ плотно,
Съ какой пріятностью, какъ сладко, беззаботно
Я лягу на постель и стану засыпать....
. . . .

XV.

FAR-NIENTE.

Въ сельцѣ Валуевкѣ онъ тридцать лѣтъ живётъ,
Въ извѣстные часы травникъ цѣлебный пьётъ
И кушаетъ всегда три раза въ день исправно
Съ супругою своей Ѳедосьей Ермолавной.
Онъ послѣ трапезы куритъ обыкновенно,
Привычкамъ слѣдуя лѣтъ сорокъ неизмѣнно;
Зѣваетъ, кашляетъ, сморкается, плюётъ,
Приподнимается — и опочить идётъ....

Отъ безпокойныхъ мухъ прикрывъ свой тучный ликъ,
Онъ погружается въ огромный пуховикъ
И спитъ до вечера. И жизнь такъ льется плавно...
Придетъ его будить Ѳедосья Ермоловна,
И онъ поднимется; отекшею рукой
Укажетъ на стаканъ съ брусничною водой
И выпьетъ залпомъ все; потомъ почешетъ спину
И отправляется лѣниво на крыльцо,

Чтобъ освѣжить свое заплывшее лицо....
Межь тѣмъ на водопой пригнали ужь скотину,
Ужь солнце клонится къ закату — и порой
Изъ саду вдругъ пахнетъ накошенной травой.
Сквозь рощу темную огонь заката блещетъ
И каждый листъ сквозитъ и радостно трепещетъ...

XVI.

Когда палящій жаръ смѣняется прохладой
И лугъ подернется вечернею росой,
И издали въ густой аллеи сада
Вдругъ что-то бѣлое мелкнетъ передо мной,

Когда въ окнѣ на опущенной шторѣ
Заколыхается знакомая мнѣ тѣнь;
Когда на праздникѣ въ блистательномъ уборѣ
Она является свѣтла, какъ Божій день, —

Я съ замираніемъ вездѣ слѣжу за нею,
Я для нее всѣмъ жертвовать готовъ....
Но къ ней приблизиться я и въ толпѣ не смѣю,
Но съ ней на единѣ не нахожу я словъ.

XVII.

Въ безумныхъ оргіяхъ уходитъ жизнь, какъ сонъ:
Шампанское съ утра до ночи льётся,
Крикъ, женщины, стакановъ битыхъ звонъ....
Хоть тяжело, а весело живётся....
И страшно мнѣ окончить жизнь въ глуши
И страшно мнѣ теперь за трудъ принятся,
А *между тѣмъ*, на днѣ моей души
Глубокіе вопросы шевелятся....

XVIII.

КЪ НЕЙ.

Послѣ душнаго, знойнаго дня
Разметавшись, съ какою отрадой,
Ты сидишь подъ окномъ у меня,
Упиваясь вечерней прохладой!

И межъ тѣмъ, какъ ты нѣгой полна,
Остывать начала по немножку,
Изъ-за облака вышла луна
И въ саду освѣтила дорожку.

И какъ будто стряхая свой сонъ,
Въ цвѣтникѣ, заглушенномъ травою,
Поднялъ голову пышный піонъ,
Окропленный жемчужной росою.

Но склоняясь ко мнѣ на плечо,
Ты, въ свѣжительный сумерекъ часъ,
Цаловала меня горячо
И мнѣ руки сжимала не разъ,

И душистыя пряди кудрей
Разсыпались по блѣдной груди....
И такихъ вдохновенныхъ ночей
Было много у насъ впереди!

XIX.

МЕЛОДІЯ.

Ночь, а мнѣ совсѣмъ не спится,
Сонъ бѣжитъ очей....
Что-то чудное творится
Въ глубинѣ моей.

Предо мной мелькаютъ тѣни,
Тѣни прежнихъ дней, —
Лучшія изъ всѣхъ видѣній
Юности моей, —

Поэтическія тѣни!...
И предъ ними я
Становлюся на колѣни,
Плачу, какъ дитя.

Десдемона и *Джульета*
И *Лючія* — ты, —
Вы фантазіи поэта
Лучшія цвѣты!

И я сново воскресаю
Какъ былой порой,
Съ ними мыслю и страдаю
Сердцемъ и душой....

Ночь, а мнѣ совсѣмъ не спится,
Сонъ бѣжитъ очей....
Что-то чудное творится
Въ глубинѣ моей.

XX.

Онъ блѣденъ былъ. Она была блѣдна,
Они сидѣли молча. Передъ нею
Стоялъ стаканъ съ водой. А онъ
Покачивалъ печально головою.
Она рукой коснулася лица
И съ странною какою-то улыбкой
Вдругъ что-то прошептала.
Онъ вздрогнулъ и на нее украдкой
Значительный, глубокій бросилъ взглядъ....
А на дворѣ привязанная къ цѣпи
Собака выла. Небо было сѣро
И мелкій дождь накрапывалъ давно....

XXI.

* *
*

Мнѣ грустно. Отчего? Я самъ не знаю:
Мнѣ хочется широкой жизнью жить,
Всего себя отдать родному краю
И что-нибудь великое свершить,
Или въ кипучей оргіи забыться....
Еще мнѣ хочется въ науку погрузиться;
Тревожиться сомнѣньемъ; а порой
Любовью безграничною упиться
И съ дѣтскою сердечной простотой
И вѣровать и плакать и молиться....

XXII.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

И мятель и въюга воетъ,
Снѣгомъ занесло окно....
Сердцу грустно, сердце ноетъ!
Предо мной стоитъ вино,

И дрова трещатъ въ каминѣ,
На печуркѣ дремлетъ котъ....
Нѣту прошлаго въ поминѣ,
О грядущемъ нѣтъ заботъ.

Мой лакей храпитъ въ передней
И по прежнему сквозь сонъ,
Точно такъ, какъ онамедни
Что-то тамъ бормочетъ онъ.

Машинально стулъ качая,
Мысль пришла мнѣ вдругъ о ней.
Что не выпить ли съ ней чая,
Не поужинать ли съ ней?

Но она заснула пташка
И потушена свѣча....
И скатилася рубашка
Съ бѣлоснѣжнаго плеча.

Спи мой ангелъ, незабудка,
Спи спокойно. Часъ пробьетъ,
Когда голосу разсудка
Подчинишь ты жизни ходъ!

Богъ съ тобою!... Одинокій
Ночь привыкъ я коротать,
Вѣрить сильно и глубоко
И съ тоской разсвѣта ждать.

Пусть мятель и вьюга воетъ,
Залѣпляетъ снѣгъ окно,
Пусть докучно сердце ноетъ:
Предо мной стоитъ вино.

———

XXIII.

ОСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

Небо подернуто сѣрыми тучами,
Въ сумеркахъ дремлятъ вершины березъ,
Къ берегу рѣчьки песками сыпучими
Медленно тянется длинный обозъ.

Паромъ вечернимъ, какъ ризой покрытая
Мрачно синѣетъ пустынная даль....
Тяжко и страшно давно позабытая
Въ сердце врывается съ болью печаль!

XXIV.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Я пріѣхалъ въ деревню вчера,
Но усталость и сонъ не томили меня:
У окна я сидѣлъ до утра....
Предо мной растилались поля
И сребристой, живой полосой
Среди нихъ и узка и мѣлка,
Освѣщаема полной луной,
Въ камышахъ протекала рѣка...
И за этой рѣкой — темный боръ,
Гдѣ я съ дядькой грибы собиралъ,
И куда я потомъ потихоньку, какъ воръ,
На свиданіе *къ ней* убѣгалъ....
Вотъ и мельница та, у которой не разъ
Я тревожно ее поджидалъ,
Въ полуночный, таинственный часъ,
Гдѣ, какъ будто сейчасъ, гдѣ какъ будто вчера
Она ручкой раздвинула вѣтку куста....
Не смыкая очей я сидѣлъ до утра
Все глядя на родныя мѣста!

XXV

ОТРЫВОКЪ.

. . . .

Она все думала, что мысль и вдохновенье
Достались ей въ удѣлъ;
Что рождена она для пѣснопѣнья,
Для высшихъ дѣлъ;
Что ей и стихъ и смѣлое созвучье
Въ ущербъ другимъ даны;
Что нѣтъ ее созданій въ мірѣ лучше;
Что въ даръ принесены
Ей блага всѣ отъ самой колыбели;
Что съ дѣтства въ ней
Все мысли чудныя и свѣтлыя кипѣли —
И нѣтъ подобной ей!
Что всѣ души высокія движенія
Извѣдала она,
И что окрестъ ее — благоговѣнье,
Любовь и тишина;

Что вымученный стихъ — изысканный и звучный,
Языкъ поэзіи — родной ей и присущный;
Что нужно геніемъ великимъ обладать,
Чтобъ рифмы трудныя искусно подбирать
И стихъ умышленно законченный хоть *утромъ*
Заставить рифмовать, положимъ, съ *перламутромъ*.

. . . .

И съ осанкой величавой
Свой она свершала путь;
Но чужой успѣхъ, иль слава
Раздирали ея грудь.
И съ завистливой тревогой,
Зло обижена красой,
Она нравственностью строгой
Щеголяла предъ толпой....

Такъ вѣчно съ завистью и съ ложью и съ педантствомъ,
Съ претензіей на тонъ высокій, съ глупымъ чванствомъ
Ей нужно властвовать, поробощать умы, —
Но съ ужасомъ отъ ней бѣгутъ, какъ отъ чумы!...
Напрасно думала она во время оно
Привлечь избранниковъ, блеснуть своимъ салономъ:
Тоскою заклейменъ и для тоски назначенъ
Салонъ тотъ былъ и пустъ и постоянно мраченъ.!..

XXVI.

КЪ ФАННИ ЭЛЬСЛЕРЪ,

ПОДРАЖАНІЕ ОДНОМУ МОСКОВСКОМУ СТИХОТВОРЦУ.

Фанни милая порхала
Амазонкой и съ ружьемъ,
Граціозно присѣдала
И летѣла на проломъ,
А сценическія плошки
Свѣта яркою струей
Освѣщали ея ножки.
Фанни! я поклонникъ твой!
Но ни танцы и не пляски
Силы полныя, огня,
И не пламенныя глазки
Озадачили меня....
Я люблю тебя, о Фанни!
Не за то, что легче лани
Ты порхаешь. Вовсе нѣтъ!
Не за эти прелесть-крошки —
Восхитительныя ножки;
А за то, что ты на дрожки

Съвъ, поѣхала Москвой
Восхищаться. Взглядъ твой зоркій
Упивался красотой
Саматёка, Лысой-Горки
И Поклонною Горой...
Вотъ по этому-то, Фанни
Вдругъ съума свела меня....
Ей и дань рукоплесканій
И восторги.... Да, тебя
Русскимъ сердцемъ понялъ я!

XXVII.

КАРТИНА.

По всюду царствовалъ покой —
И солнце медленно садилось
За дальней рощей и горой....
Она, прекрасная, молилась,
И изъ очей ея порой
Слеза горячая катилась....

Закатъ потухъ. Она стояла
На томъ же мѣстѣ — и мечты
Молитва тихая смѣняла
И были сложены персты!

XXVIII.

ДРУГАЯ КАРТИНА.

Заря горѣла, какъ пожаръ....
Вдали скакала кавалькада,
И ужь дневной, палящій жаръ
Смѣняла вечера прохлада....

Она стояла на крыльцѣ
И вдаль, блѣдна, какъ смерть, смотрѣла,
И, отражаясь на лицѣ,
Въ ней мысль рождалася и зрѣла,

Тревожа внутренній пoкой....
А вдоль дороги столбовой
Еще кого-то тройка мчала....
И тамъ.... у рѣчьки подъ горой,
Корова глупая мычала.

XXIX.

МОГИЛА.

Съ эффектомъ громовымъ, побѣдно и мятежно
Ты въ мірѣ пронеслась кометой неизбѣжной,
И бѣдныхъ юношей толпами на повалъ,
Какъ молнія, твой взглядъ и жегъ и убивалъ!
Я помню этотъ взглядъ фосфорно-ядовитый
И локонъ смоляной, твоимъ искусствомъ взбитый
Небрежно падавшій до раскаленныхъ плечь,
И пламенемъ страстей клокочущую рѣчь;
Двухолмной груди блескъ и узкой ножки стройность,
Во всѣхъ движеніяхъ разгаръ и безпокойность
И припекавшія лобзаньями уста —
Вѣнецъ красы твоей, о дѣва красота!
Я помню этотъ мигъ, когда Царица бала
По льду паркетному Сильфидой ты летала.
И какъ дыханіе въ груди моей тая,
Взирая на тебя страдалъ и рвался я,
Какъ нынѣ рвуся я, безумецъ одинокой,
Надъ сей могилою заглохшей и далекой.

XXX.

* *
*

Она стояла у окна
И вдаль свой тусклый взоръ вперяла.
Печально блѣдная луна
Поля и лѣсъ осеребряла —
И подымался паръ съ полей
И пѣлъ въ дубравѣ соловей —
И пѣсни звучныя сливались
Съ благоуханьемъ чуднымъ розъ....
А между тѣмъ верьхи березъ
Отъ вѣтра тихо колебались.

XXXI.

NOTTURNO.

Въ ароматную ночь у окна
Мы съ тобою сидѣли вдвоемъ,
А за рощей сверкала волна,
Озаренная блѣдной луной...

Счастью нашему громкій привѣтъ
Распѣвалъ вдалекѣ соловей
И луны упоительный свѣтъ
Трепеталъ между темныхъ вѣтьвей...

Я не думалъ тогда ни о чемъ,
Ты безмолвно ласкала меня...
И мы долго сидѣли вдвоемъ
И молчали до бѣлаго дня.

XXXII.

КЪ ПЛОХОМУ СТИХОТВОРЦУ.

Не вѣрь, что твоею душою
Владѣетъ поэзіи даръ;
Самолюбіе движетъ тобою
И обманчивой юности жаръ.

Ты скоро, поэтъ, исписался
И скоро на лаврахъ заснулъ,
Подъ шумъ похвалы заболтался
И нехотя насъ обманулъ.

Все это случается въ мірѣ,
Тутъ страннаго нѣтъ ничего;
Но только скажи: — для чего
Брящать на разстроенной лирѣ? —

XXXIII.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Свѣча едва мерцаетъ въ кабинетѣ,
Я въ Гегеля всей мыслью погруженъ....
Но вотъ блеснуло что-то на паркетѣ,
Зашелестилъ листами старый клёнъ;
Какой-то звукъ неясный и невнятный
Пронесся надо мною.... Я вздрогнулъ
И бросилъ книгу и свѣчу задулъ....
Въ окно повѣялъ воздухъ ароматный
И музыкою внутреннею полнъ,
Я подошелъ къ окну. Луна сіяла,
На озерѣ чернѣлся утлый челнъ,
И мѣльница, грозя крыломъ, махала....
И вспомнилъ я другую ночь. Далеко,
Далеко отъ страны моей родной,
Куда я былъ заброшенъ одинокой,
Но гдѣ я такъ блаженствовалъ душой;
Гдѣ воздухъ растворенный померанцемъ
Внушаетъ всѣмъ поэзію и лѣнь;
Гдѣ жены пышатъ нѣгой и румянцемъ;

Гдѣ будто ночь древесъ густая тѣнь;
Гдѣ люди такъ порывисты и пылки....

И я досталъ бургонскаго бутылку
И съ нею сѣлъ смиренно у окна....
И жизнь моя тогда была полна
Плѣнительныхъ и радостныхъ видѣній,
Все близкія мнѣ возставали тѣни.
И предо мной являлася она
Прекрасная шекспирова Джульета....
И у окна сидѣлъ я до разсвѣта.

XXXIV.

РАННЕЮ ВЕСНОЮ.

Тихій вечеръ. Облаками
Чуть подернутъ небосклонъ,
И черемухи цвѣтами
Теплый воздухъ напоёнъ.

Между тощими кустами,
Опушенными едва,
Индѣ блещетъ полосами
Синеватая Нева.

Ставни дачь еще закрыты ...
Всюду пусто.... Я одинъ
И душой моей разбитой
Овладѣлъ невольно сплинъ.

Вонъ мелькаетъ что-то. Баба
Тамъ плетется за водой....
Какъ все бѣдно, какъ все слабо!
Ахъ, какъ грустно, Боже мой!

Кактусъ, фиги и бананы,
И палящій неба сводъ,
Ананасы и ліаны,
И граната сочный плодъ, —

Сей тропической природы
Огнецвѣтная краса....
Съ вихремъ мчащіяся воды,
Исполинскіе лѣса.

Вотъ гдѣ жить мнѣ назначенье!...
Жизнью я хочу играть
И въ безумномъ увлеченье
Отаитянку лобзать.

XXXV.

ПОДРАЖАНІЕ ГЕЙНЕ.

Склонивши на стѣнку головку,
Въ раздумьи сидѣла она,
Открывъ свою ножку плутовку,
А ночь была страшно темна.

Смотрѣлъ на нее Мефистофель
Сквозь вѣтви угрюмыхъ берёзъ,
А мимо чухонецъ картофель
На клячѣ ободранной вёзъ.

XXXVI.

* *
*

Ночь была ароматомъ полна,
Еще сѣно въ копны не сметали....
Изъ-за озера вышла луна,
А надъ озеромъ ивы дремали,

И тянулось надъ спящей водой
Дикихъ утокъ пугливое стадо...
Ахъ! натурѣ моей не покой,
А волненье безумное надо!

XXXVII.

РЕВНОСТЬ.

Есть мгновенья думъ упорныхъ,
Разрушительно-тлетворныхъ,
Мрачныхъ, буйныхъ, адски-чорныхъ,
Сихъ — опасныхъ какъ чума —
Расточительницъ несчастья,
Вѣстницъ зла, воровокъ счастья
И гасительницъ ума!...

Вотъ въ неистовствѣ разбоя
Въ грудь вломились, яро воя —
Все вверхъ дномъ! И цѣлый адъ
Тамъ, гдѣ часъ тому назадъ
Яркимъ, радужнымъ алмазомъ
Пламенѣлъ твой свѣточъ — разумъ!
Гдѣ добро, любовь и миръ
Пировали честный пиръ!

Адъ сей ... Въ комъ изъ земнородныхъ
Отъ степей и нивъ безплодныхъ,
Сихъ отчаянныхъ краёвъ,
Полныхъ хлада и снѣговъ —
Отъ Камчатки льдяно-реброй,

До береговъ отчизны доброй, —
Въ комъ онъ бурно не кипѣлъ?
Кто его — страстей изъятый
Безсердечіемъ богатый —
Не восчествовать посмѣлъ?...
Адъ сей.... ревностью онъ кинутъ
Въ душу смертнаго. Раздвинутъ
Для него широкій путь
Въ человѣческую грудь....
Онъ грядетъ съ огнемъ и трескомъ,
Онъ ласкательно язвитъ,
Все инымъ кровавымъ блескомъ
Обольетъ — и превратитъ
Міръ — въ темницу, радость — въ муку,
Счастье — въ скорбь, веселье — въ скуку,
Жизнь — въ кладбище, слезы — въ кровь,
Въ ядъ и ненависть — любовь!

Полонъ чувствъ огнепалящихъ,
Вопіющихъ и томящихъ,
Проживаетъ человѣкъ
Въ страшный мигъ тотъ цѣлый вѣкъ!
Вѣнчанъ терніемъ, не миртомъ
Молитъ смерти — смерть бы рай!
Но отчаянія спиртомъ
Налитъ черепъ черезъ край....
Рай душѣ его смятенной —
Разрушать и проклинать,
И кинжаловъ всей вселенной
Мало ярость напитать!!

———

XXXVIII.

* *
*

Было то давно, давно....
Ночь травой благоухала;
Въ растворенное окно
Свѣжесть ночи проникала
Послѣ зноя.... Я лежала
Прислонясь къ его груди....

На поля ложились тѣни,
Что насъ ждало впереди
Мы не знали. Въ страстной лѣни,
Не сводя съ меня очей,
Онъ пришпиливалъ сирени
Пышный цвѣтъ къ косѣ моей....

На лазури неба чистой
Мѣсяцъ плылъ въ красѣ своей,
Блескъ бросая серебристый....
И на ясени росистой
Заливался соловей....

XXXIX.

Они молчали оба. Грустно, грустно
Она смотрѣла. Взоръ ея глубокой
Былъ полонъ думы. Онъ моргалъ бровями
И что-то говорить хотѣлъ, казалось;
Она же покачала головой
И палецъ наложила въ знакъ молчанья
На синія, трепещущія губы....
Потомъ пошли домой все также молча,
И было въ ихъ молчаньи больше муки
И страшнаго значенья, чѣмъ въ рыданьяхъ,
Съ которыми бросаемъ горсть земли
На гробъ того, кто былъ намъ дорогъ въ жизни,
Кто насъ любилъ, быть можетъ! У воротъ
Они кухарку встрѣтили. . . . .
. . . .
И долго изумленными глазами
Она на нихъ смотрѣла, но ни слова
Они ей не сказали. Да! ни слова....
И молча продолжали путь.... и скрылись.

XL.

БАЛЪ.

Горитъ, какъ въ пожарѣ, весь домъ....
Бананы и бронзы и свѣчи,
И мебели Гамбса кругомъ;
Полуобнаженныя плечи,
Безумныя взгляды и рѣчи,
Подъ говоръ и музыки громъ.

Она же толпою сокрыта
Стоитъ въ амбразурѣ окна,
Гирляндой цвѣтовъ перевита,
Какъ мраморъ могильный блѣдна!

Въ косѣ ея черной двѣ розы
И блескъ непонятный въ глазахъ....
Какъ будто какія-то грёзы
Вселяютъ ей на сердцѣ страхъ.

Минувшаго страшныя тѣни
Встаютъ передъ ней изъ гробовъ,

И гнутся у бѣдной колѣни
И выразить страха нѣтъ словъ!

Межь тѣмъ золоченый коптится
Плафонъ отъ дыханья людей....
Толпа все сильнѣй веселится
И нѣту сочувствія къ ней....

Горитъ, какъ въ пожарѣ, весь домъ....
Бананы и бронзы и свѣчи,
И мебели Гамбса кругомъ;
Полуобнаженныя плечи;
Безумныя взгляды и рѣчи
Подъ говоръ и музыки громъ.

XLI.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛѢ БАЛА.

Залъ огнями ярко блещетъ,
Раздается громъ музыки....
Все мятется и трепещетъ;
И красавицъ чудныхъ лики
Все мелькаютъ предъ очами;
Но не высказать словами,
Какъ подъ Штраусовы звуки
Страстно сплетались руки;
Какъ скользили ваши ножки,
Въ ту минуту, какъ въ столовой
Ужъ звучали вилки, ложки....

Ужинъ поданъ. Но ни сливы,
Ни индѣйки, ни форели
Не хочу я.... Соловьи вы
Вашимъ голосомъ запѣли,
Вашимъ голосомъ! Невольно
Сердце дрогнуло. Довольно!

Для чего-жь, скажите, вновь
Волновать поэта кровь?

Вотъ усѣлись всѣ. Какъ Геба,
Вы разносите вино;
Вы слетѣли къ намъ, какъ съ неба;
Намъ же смертнымъ не дано
Долго любоваться вами,
Вашей ножкой и устами,
Вашимъ взглядомъ, вашей шуткой....

Я на васъ смотрю украдкой,
Какъ вы ручкою-малюткой
Пирожекъ берете сладкой....

Все прошло! Но я такъ живо
Помню васъ.... Какъ прихотливо
Вы, прелестная вострушка,
Вдругъ порхнувъ мимо меня, —
(О, забуду-ль это я?)
Прошептали тихо: «душка!»

XLIII.

Вчера, въ пустомъ и длинномъ переулкѣ,
Я шелъ одинъ, о прошломъ вспоминая,
И вдругъ она на встрѣчу.... Боже! Боже!
О, ты ли это, Людовика, — блѣдная, худая?
И долго на нее смотрѣлъ я молча
И подалъ руку ей.... Она свою мнѣ протянула
И покачала головой такъ грустно, грустно....
Я говорить хотѣлъ. Она вздрогнула
И глухо прошептала: «о! ни слова
Ни слова, ради Бога!... До свиданья»....
Я долго провожалъ ее глазами и думалъ:
Жаль тебя, погибшее, но чудное созданье!...

XLII.

Ты мнѣ все шепчешь: «постой!»
Я говорю: «для чего же?»
Что же вдругъ сталось съ тобой?
Ты простонала: «О, Боже!»

Дивный былъ ужинъ вчера!
Мы проболтали до ночи,
Но и разстаться пора:
Сонъ ужь смѣжаетъ намъ очи.

Что ты все смотришь кругомъ?
Что потупляю я взоры?
Долго мы были вдвоемъ,
Сладко вели разговоры.

Я виноватъ предъ тобой,
Ты предо мною.... Но что же?
Ты мнѣ все шепчешь: «постой!»
Я говорю: «для чего же?»

XLV.

КЪ ЖЕНЩИНѢ.

(ПРИЗНАНІЯ ПРОВИНЦІАЛЬНАГО ПЕЧОРИНА.)

Мы съ тобою сошлися случайно
И случайно разстались потомъ;
Для людей наша связь была тайной,
А для насъ поэтическимъ сномъ.

Но теперь я смотрю равнодушно
Какъ судьбу ты безумно клянешь,
Предаешься тоскѣ малодушной
И возврата прошедшаго ждешь.

Мнѣ не жалко прошедшихъ мгновеній,
Я усталъ, утомился любить;
Безъ любви, безъ тревогъ, безъ волненій
Я хочу наслаждаться и жить.

Вдохновенныя рѣчи и слёзы
И прогулки въ саду при лунѣ, —

Это дѣтскія, пошлыя грёзы,
Не смѣшны, а досадны онѣ!

Мы съ тобою сошлися случайно
И случайно разстались потомъ;
Для людей наша связь была тайной.
А для насъ поэтическимъ сномъ.

XLVI.

КЪ ДІЮ.

Съ сладко-мучительно-трепетнымъ чувствомъ
Я жду ее вечеромъ въ густо-тѣнистой аллеѣ,
Жаждетъ мой слухъ, какъ блаженства, какъ счастья,
Рѣчью ея музыкально-прекрасной упиться
И на душисто-прелестныхъ устахъ изъ коралла
Слова *люблю* уловить зарожденье!
Алчетъ мой взоръ въ ея очи вонзиться,
Въ очи глубокія, полныя нѣги и страсти,
Въ млечно-пѣнную шею, въ роскошныя плечи. ..
Цѣлую-бъ вѣчность, казалось, провелъ я
Античныя формы ея созерцая,
И какъ Танталъ все жаждалъ бы, жаждалъ
Еще, и еще, и еще созерцать ихъ!

Дій велемудрый! съ высотъ недоступныхъ Олимпа
Безсмертный на смертнаго взглядъ обрати
Состраданья!.. Дій, умоляю тебя,
Сократи ожиданья минуты.... Тяжко мнѣ тяжко!
Но если мольбой ты не тронешься. Вѣрь мнѣ ,

Снесу я безъ ропота муки страданья....
Развѣ не вѣдаю я, Прометея жестокій каратель! —
Развѣ не вѣдаю гордо, что я человѣкъ,
Что въ груди моей міръ я вмѣщаю?

XLVII.

КЪ ЧУДНОЙ ДѢВѢ.

Красоты ея мятежной
Въ душу льется острый ядъ....
Дѣвы чудной, неизбѣжной,
Соблазнителенъ небрежный
И расчитанный нарядъ!
Изъ очей ея бьетъ пламень,
Рвется огненный фонтанъ, —
А на мѣсто сердце — камень
Искусительницѣ данъ!
Ею движетъ духъ нечистый,
Въ ней клокочетъ самый адъ —
И до пятъ косы волнистой
Вороненый бьетъ каскадъ.
Все въ ней чудо, все въ ней диво:
Ласка, гнѣвъ или укоръ
И блестящій, прихотливый
Искрометный разговоръ...
Онъ стоялъ въ ея уборной
Страстно ей смотрѣлъ въ лицо,
И страдая, — усъ свой черный
Все закручивалъ въ кольцо.

XLVIII.

Я.

Я не прошу ни счастья, ни забвенья.
Возвышенной душой стремлюся я
Извѣдать все: блаженства наслажденья
И тяжкія минуты бытія.

Я человѣкъ! И этой мыслью гордой
Безтрепетно пронзаю взоромъ даль....
Несокрушимъ и закаленъ какъ сталь,
Страданія снести съумѣю твердо.

Я на борьбу съ слѣпой судьбой готовъ:
Дѣятельный, живой и вдохновенной,
Торжественнымъ металломъ звонкихъ словъ
Я прогремѣть желаю надъ вселеннвй!

XLIX.

ВОСПОМИНАНІЯ ДѢТСТВА.

Воспоминанія дней дѣтства предо мной
Нерѣдко возстаютъ со всею полнотой,
Когда ребенкомъ я заносчивъ и безпеченъ
И громкимъ именемъ, какъ нынѣ, не отмѣченъ,
Игралъ съ дворовыми мальчишками въ снѣжки,
Иль руки запускалъ украдкою въ горшки,
Въ которыхъ — нянюшки моей произведенье —
Хранилось разное печенье и варенье....
Вотъ онъ нашъ темный садъ и свѣтлый огородъ,
Гдѣ между овощей копаясь будто кротъ
И дядьки обманувъ надзоръ за мной жестокой
Я убѣгалъ то въ лѣсъ, то къ озеру — далеко....
Все это вижу я, какъ будто въ сладкомъ снѣ,
Но въ рѣзвомъ мальчикѣ, — никто тогда во мнѣ,
Никто грядущаго таланта не предвидѣлъ!
Я, робкій, всякую извѣстность ненавидѣлъ,
Я славы не искалъ. Нарушивъ мой покой
Она незваная явилась предо мной,
Роскошно озаривъ меня лучами свѣта

И міру указавъ — на *Новаго Поэта!*
Но крики громкіе восторговъ и похвалъ,
Клеветъ и зависти, — я все бы промѣнялъ
На мирный дѣтскій кровъ, на скромный огородъ,
Гдѣ въ неизвѣстности, не вѣдая заботъ,
И дядьки обманувъ надзоръ за мной жестокой
Я убѣгалъ то въ лѣсъ, то къ озеру.... далеко!

L.

ГРЕЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

Я лежалъ въ Мараѳонскихъ поляхъ,
А гекзаметръ горѣлъ на устахъ.
На яву иль во снѣ, но, поэзіи полнъ,
Видѣлъ гдѣ-то я тамъ, вдалекѣ, при лунѣ,
Блескъ эгейскихъ серебряныхъ волнъ —
И чудесный процессъ совершался во мнѣ:
Предъ мечтою моею проходилъ
Эврипидъ и Софоклъ и Эсхилъ....
Вспоминалъ я прелестные взоры
Живописной Аркадіи дѣвъ,
Эримантоса дивныя горы
И пѣвцовъ беотійскихъ напѣвъ
Подъ зеленымъ шатромъ Сикоморы;
Въ честь Венеры паѳосскія храмъ,
Гдѣ у бѣлой коринѳской колонны,
Волю давъ неудержнымъ страстямъ,
Танцовали лесбійскія жены....

И пріятно ласкали мой взоръ
Парѳенона краса и размѣры,

И дымокъ, что вился изъ амфоръ
И въ плющѣ виноградномъ Гетеры....
Тамъ быстрѣй чѣмъ изъ лука стрѣла
Повершать — съ волей сильной и жгучей
На гражданской аренѣ дѣла
Къ агорѣ мчался всадникъ кипучій....
Высоко возносился мой духъ,
Я къ Зевесу поднялъ свои руки,
А межь тѣмъ щекотали мой слухъ
Тетрахорды пріятные звуки....
Кипарисы склонялись ко мнѣ;
Перепутаны вѣтьвью ліаны,
Помавали главою платаны....
И пылая въ священномъ огнѣ
И сливаясь съ природой устами,
Я коснулся до лиры перстами....
И созналъ, что душою и мыслію грекъ
Я элленовъ вполнѣ понимаю;
Что каковъ ни на есть, а и я — *человѣкъ*
И въ себѣ мірозданье вмѣщаю.

LI.

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

Не сказка-то. Нѣтъ, въ памяти глубоко
На днѣ ея та мысль затаена:
Въ глуши, въ степи, въ Саратовѣ.. . далёко
Была весна, прекрасная весна....
И пахло въ воздухѣ рябиной и сиренью
И отзывалось все любовію и лѣнью.

Міръ праздновалъ роскошно обновленье,
И степь была цвѣтами убрана:
Но краше всѣхъ цвѣтовъ — *онъ* и *она*,
На лицахъ ихъ — блаженство умиленья;
Она лишь имъ, *онъ* ей одной плѣненъ,
И разцвѣли душой *она* и *онъ!*

Она и *онъ! Онъ* и *она!* съ отрадой
Обнявшися гуляютъ по лугамъ
И рвутъ цвѣты — и хорошо имъ тамъ —
И гроздіи надъ ними винограда!
Она и *онъ!* Полны они собой
И этою гордятся *полнотой!*

Но дни идутъ. Весна уже проходитъ
И не наступитъ вновь для нихъ весна!
Онъ съ ней, увы! блаженства не находитъ,
Уже давно скучаетъ съ нимъ *она!*
Кто виноватъ? Никто. Тотъ и другой
Сердечною страдаютъ пустотой.

А съ розою по прежнему лепечетъ
Нарцисъ, и соловей свиститъ;
По прежнему, расширивъ крылья, кречетъ
Свою добычу жадно сторожитъ;
По прежнему вода шумитъ и плещетъ,
А надъ водою рыболовъ трепещетъ!

LII.

ОНА И Я.

Какъ луна ты томна и прекрасна
И какъ солнце — ярка, горяча,
Благовонна, свѣжа, сладострастна
Въ трепетаньи златаго луча
И въ дрожаніи звонкаго звука
Поэтическихъ пѣсенъ моихъ!
Ты безсмертна!... Безсмертью порука —
Гармоническій, гордый мой стихъ
Прославлявшій тебя безконечно....

Когда первой разсвѣтной зарею
У пруда наклонившись безпечно,
Увлажаешь ты ликъ свой водою,
Ликъ, подернутый легкой дремою —
О! я твердью клянусь голубою!
Что горжусь въ ту минуту тобою
Несравненно сильнѣй, чѣмъ собою!...

Въ головѣ моей — мысли толпятся....
Музыкально-прекрасныя звуки

На горячихъ устахъ шевелятся,
И скрестивши торжественно руки,
Я твержу: — «хоть я равенъ герою
Но могучей атлета ступнёю
Не сомну и ничтожнѣйшій травки,
Міозданья любуясь красою,
Не задѣну мѣльчайшей козявки!

Мимолѣтное духа явленье,
Хоть я мыслію — міръ обнимаю,
Но я въ вѣчности — только мгновенье —
И поэтому — *атомъ* творенья
Берегу — и изъ устъ выдыхаю!..

LIII.

МОЕ РАЗОЧАРОВАНІЕ.

ПОЭМА.

Говорятъ, что счастье наше скользко, —
Самъ, увы! я тоже испыталъ!
На границѣ Юрьевецъ-Повольска
Въ собственномъ селѣ я проживалъ.
Недостатокъ внѣшняго движенья
Замѣнивъ работой головы,
Приминалъ я въ лѣто безъ сомнѣнья
Десятинъ до двадцати травы;
Я лежалъ съ утра до поздней ночи
При волшебномъ плескѣ ручейка,
И мечталъ, поднявши къ небу очи,
Созерцая гордо облака.
Вереницей чудной и безпечной
Предо мной толпился рядъ идей
И виталъ я въ сферѣ безконечной,
Презирая мелкій трудъ людей.
Я лежалъ, гнушаясь ихъ тревогой,
Не нуждаясь, къ счастію, ни въ чемъ,

Но за то широкою дорогой
Въ сферѣ мысли шолъ богатыремъ;
Гордый духъ мой росъ и расширялся,
Много тайнъ я совмѣщалъ въ груди
И повѣдать міру собирался;
Но любовь сказала: — погоди!
Я давно въ созданье идеала
Погруженъ былъ страстною душой:
Я желалъ, чтобъ женщина предстала
Въ видѣ мудрой Кліи предо мной,
Чтобъ и свѣтъ, и танцы, и наряды
И балы не нужны были ей;
Чтобъ она на все бросала взгляды
Добытые мыслію своей;
Чтобъ она не плакала напрасно,
Не смѣялась въ тунѣ никогда,
Говоря восторженно и страстно
Вдохновенно дѣйствуя всегда;
Чтобъ она не въ рюмки, и въ подносы,
Не въ дѣла презрѣнной суеты, —
Чтобъ она въ великіе вопросы,
Погружала мысли и мечты....
И нашелъ, казалось, я такую.
Молода она еще была
И свою натуру молодую
Радостно развитью предала.
Я читалъ ей Гегеля, Жанъ-Поля,
Демосѳена, Галича, Руссо,
Глинку, Ричардсона, Декандоля,
Вѳлтера, Шекспира, Шамиссо,

Байрона, Мильтона, Соутэя,
Шеллинга, Клопштока, Дидеро....
Въ комъ жила великая идея,
Кто любилъ науку и добро;
Всѣхъ она, казалось, понимала,
Слушала безъ скуки и тоски,
И сама ужь на ночь начинала
Тацита читать, надѣвъ очки.
Правда, легче два десятка кегель
Разомъ сбить ей было, чѣмъ понять
Какъ великъ и плодотворенъ Гегель;
Но умѣлъ я вразумлять и ждать!
Видѣлъ я: не пропадетъ терпѣнье —
Даже мать красавицы моей,
Бросивши варенье и соленье,
Философскихъ набралась идей.
Такъ мы шли въ развитьи нашемъ дружно,
О высокомъ вѣчно говоря....
Но не то ей въ жизни было нужно!
Разъ, увы! въ началѣ сентября,
Прискакалъ я по утру къ невѣстѣ.
Нѣтъ ее ни въ залѣ, ни въ саду.
Гдѣжь она? «Онѣ на кухнѣ вмѣстѣ
Съ маменькой» — и я туда иду.
Тутъ предстала страшная картина....
Разомъ столько горя и тоски!
Разтерзавъ на клочья Ламартина,
На бумагу клала пирожки
И сажала въ печь моя невѣста!!
Я смотрѣть безъ ужаса не могъ,

Какъ она рукой мѣсила тѣсто,
Какъ потомъ отвѣдала пирогъ,
Я не вѣрилъ зрѣнію и слуху....
Думалъ я, не перестать ли жить?
А у ней еще достало духу
Мнѣ пирогъ проклятый предложить.
Вотъ онѣ — великія идеи!
Вотъ они развитія плоды!
Гдѣ же вы поэзіи затѣи?
Что изъ васъ усилья и труды?
Я рыдалъ. Сконфузилися обѣ,
Видимо перепугались вдругъ;
Я ушелъ въ невыразимой злобѣ,
Объявивъ, что больше имъ не другъ.
Съ той поры, я вѣрю: счастье скользко,
Я безъ слезъ не проживаю дня;
Отъ Москвы до Юрьевецъ-Повольска
Нѣтъ лица несчастнѣе меня!

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ БОЛЬШОЙ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ГРЕЗЫ.

ДОМИНИКИНО ФЕТИ

ИЛИ НЕПРИЗНАННЫЙ ГЕНІЙ.

Сія драматическая греза, какъ усмотритъ читатель, требовала обширной эрудиціи. — Герой ея художникъ римской школы, родившійся въ 1589 году и умершій въ 1624 году.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ВЫХОДЪ II.

1609.

Картинная галлерея въ Мантуи. Доминикино Фети прохаживается по залѣ въ глубокой и многознаменательной задумчивости. На глазахъ его живительныя слезы. Вдругъ онъ останавливается, поднимая руки горѣ передъ картиною Джуліо Романо.

ФЕТИ.

Гори огнемъ священнымъ сердце,
Гори! Мнѣ любо и легко взирать
На дивныя созданія искусства!
О, Джуліо Романо! о, великій мастеръ!
Ты кистью чародѣйственной владѣя
Въ красѣ и блескѣ состязался съ небомъ!
Во прахъ, во прахъ передъ твоимъ талантомъ!

(Упадаетъ на колѣни передъ картиной. Черезъ немного времени встаетъ, отряхается, протираетъ глаза. Холодный потъ льется по его челу. Онъ снова смотритъ на картину и преисполняясь восторгомъ, начинаетъ скакать и прыгать, напѣвая:)

О Романо! о Романо!
Это диво — не картина
Чудо мысли, исполненья,
Страсти, силы, вдохновенья....
И легко и вмѣстѣ жутко,

Дрожь по тѣлу пробѣгаетъ
Искры сыплятся изъ глазъ
И плѣнительные звуки
Разплетясь и сплетясь,
Будто змѣи обвиваютъ
Утлый, бренный мой составъ!
Страшно! Дивная минута!
Тра-ля-ля, тра-ля-ля.

(въ изнеможеніи упадаетъ на стулъ. Затѣмъ величественно поднимается и произноситъ медленно и строго:)

Условія искусства глубоки!
И путь его исполненъ бурь и терній.
Художникъ — не ремесленникъ. Онъ долженъ
Прежде всего имѣть запасъ идей и нѣчто,

(сжимая руку въ кулакъ)

Что избраннымъ изъ избранныхъ дается.
Я чувствую: во мнѣ есть это нѣчто....
Въ груди растетъ заждительная сила,
По жиламъ вмѣсто крови льется огнь....
Не для земной и мимолетной славы,
Я предаюсь великому искусству,
Не для себя, не для людей, — для Бога!
И жизнь моя пойдетъ легко и плавно,
Озарена священнымъ вдохновеньемъ....
Спасибо, Джуліо Романо! Онъ
Мнѣ указалъ мое предназначенье;
Двукратное — и отъ души спасибо
Великому!.......

(Во все продолженіе времени покуда подъ наитіемъ художническаго восторга, Доминикино Фети говорилъ, скакалъ и прыгалъ, въ глубинѣ галлереи стояла незамѣченная имъ дѣвушка Анунціата съ умиленіемъ взиравшая на него.)

АНУНЦІАТА (про себя).

Какъ онъ хорошъ сегодня!
Онъ облитъ весь лучами вдохновенья
И блескъ въ очахъ, и гордая улыбка....

(невольно громко:)

О Доминикино!

ФЕТИ (будто просыпаясь).

Кто звалъ меня?...

(Озирается.... и съ удивленіемъ увидѣвъ Анунціату, подходитъ къ ней робко, съ потупленнымъ взоромъ.)

Анунціата! вы-ли? Какъ! откуда?...

АНУНЦІАТА (присѣдая съ застѣнчивостію).

Синьоръ художникъ.... Боже.... извините....
Я здѣсь нечаянно....

ФЕТИ.

Анунціата!

(Долгое и краснорѣчивое молчаніе. Лицо Анунціаты постепенно одушевляется, глаза ея начинаютъ сверкать, станъ выпрямляется, правая рука поднимается торжественно. Во всей позѣ ея что-то прекрасное. Она смотритъ на Фети и говоритъ:)

Великій Боже! Что со мною? Я дрожу

(Громко и сильно.)

Внимай, внимай пророческому слову,
Изъ устъ моихъ ты слышешь голосъ свыше.
Страшный путь ты избралъ Фети!
И на избранномъ пути
Для тебя разставятъ сѣти
Злоба, зависть; но итти
Долженъ ты по немъ, лелѣя
Свѣтлый, чистый идеалъ
Не ропща и не робѣя;

Богъ тебя сюда призвалъ....
Для великаго!... А люди....
Но ты пиши не для суда мірскаго,
Безсмысленъ и пристрастенъ судъ людей ...
Есть судъ другой — и есть другое слово....
Его-то ты вполнѣ уразумѣй!...

(Исчезаетъ. Доминикъ, пораженный сими словами пребываетъ съ минуту безмолвенъ, съ опущенной головой. Потомъ поднимаетъ голову, ища глазами Анунціату.)

Д. ФЕТИ.

О дивное, прекрасное явленье!
О неземная!... Гдѣ ты? Погоди
Не улетай.... Благодарю Создатель!
Въ ея устахъ твое звучало слово!...
Мнѣ слышатся еще досель тѣ звуки,
Гармоніи чистѣйшей!... Какъ свѣтло!...
Какъ хочется мнѣ плакать и молиться!
Какъ грудь кипитъ! Какъ сердце шибко бьется,
Рука къ холсту невольно такъ и рвется....
Мой часъ насталъ. Великій, дивный часъ!...
За кисть, за кисть Доминикино Фети!...

(Убѣгаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ СЕДЬМОЕ.

ВЫХОДЪ ПРЕДЪ-ПОСЛѢДНІЙ.

Черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ предшествовавшей сцены. Въ Римѣ, въ мастерской художника.

ФЕТИ (худой и блѣдный пишетъ картину и вдругъ останавливается, мрачно поводя глазами.)

Нѣтъ, конечно, остыло вдохновенье....
Не воротить минувшее мгновенье!...

Толкаетъ ногою станокъ, на которомъ стоитъ картина. Картина падаетъ.)

Прочь съ глазъ моихъ!... Ну, веселитесь люди!
(Рветъ въ бѣшенствѣ кисть, бросаетъ ее и топчетъ ногами.)
Сбирайтеся смотрѣть на мой позоръ....
И вы завистники съ змѣиною улыбкой,
Художники! Сбирайтеся сюда....
Коварное, слѣпое провидѣнье!
Зачѣмъ сей путь ты указало мнѣ?
Обманъ и ложь — и на землѣ и въ небѣ!
Я изнемогъ!... Довольно.... Нѣту силъ;

Червь внутренній мнѣ сердце источилъ!...
Башмачникъ я, ремесленникъ презрѣнный,
А не художникъ, славой осіянной!

(Хохочетъ дико.)

Разбитъ во прахъ мой велѣлѣпный сонъ!

(Задумывается и чрезъ минуту.)

А сонъ тотъ былъ и чуденъ и прекрасенъ....
Казалось мнѣ тогда, что я возстану-
Въ лучахъ, въ вѣнцѣ и въ нестерпимомъ блескѣ,
Величіемъ, какъ ризой облаченъ
И молніею славы опоясанъ!
Колебляся подъ куполомъ святыни,
Я радугу хотѣлъ сорвать съ небесъ;
Съ природою я мыслилъ состязаться;
Пересоздать небесныя свѣтила;
Луну и солнце съ неба перенесть
На полотно. И кистью исполинской
Хаосъ и тьму и адъ изобразить,
На диво, страхъ и трепетъ человѣку!...
Я мыслилъ сжать въ одно произведенье
Громадное — всѣ Божіи міры!...

(Немного погодя.)

Искусства царь, въ регаліяхъ моихъ,
Я плавалъ бы надъ міромъ изумленнымъ,
И на меня — въ нѣмомъ благоговѣньи,
Смотрѣли бъ очи тысячи людей....
И голосъ мой тогда бы съ высоты,
Подобно грому Божьему раздался:
О, люди на колѣни!.. Не предо мною люди, —

Предъ искусствомъ! . . . .
. . . . А нынѣ что я?
. . . .

(Приближаетъ къ себѣ бутылку съ виномъ и указывая на нее:)

Вотъ что теперь единственный мой другъ,
Единственное благо мнѣ дающій —
Забвеніе.... (*пьетъ*) Какъ сладко въ душу льется
Живительный и пурпуровый сокъ!
Какъ весело мечтается и пьется!...

(Выпиваетъ залпомъ нѣсколько стакановъ вина и по нѣкоторомъ молчаніи.)

Что вижу я?... Окрестъ меня собрались
Архистратиги дивные искусства,
Великіе!... Такъ точно, это онъ
Божественный творецъ «Преображенья»
И онъ создатель «Страшнаго Суда» —
Сей строгій и суровый Бонаротти....
Вотъ нѣжный, утонченный Гвидо-Рени...
Страдалецъ вдохновенный Цампіери —
Мой геніяльный тёзка — также здѣсь....

(Еще пьетъ.)

И всѣ они съ любовью и съ почтеньемъ
Торжественно взираютъ на меня
И говорятъ: «Достойный нашъ собратъ!
Наполнивъ наши кубки золотые,
Мы чокнемся во здравіе искусства,
Обнимемся — и вмѣстѣ въ путь пойдемъ
Къ сіяющему храму вѣчной славы....
Мы геніи, мы высшіе земли!

Во храмѣ томъ, мы съ гордостью возсядемъ
На благовонныхъ лавровыхъ вѣнкахъ, —
Амврозіей хваленій упиваясь,
И будемъ трактовать лишь объ искусствѣ,
За не другая рѣчь намъ неприлична...»

(Долгое молчаніе.)

Опять мечта.... Проклятая мечта!...
Вы демоны смѣетесь надо мною?...
Ну, смѣйтесь, смѣйтесь, — я и самъ смѣюсь:

(Ударъ грома.)

Сильнѣе громъ! Тебѣ не заглушить
Стенанія разтерзаннаго сердца!...

(Другой ударъ сильнѣе.)

Вотъ такъ! — И то не громко; посильнѣе!...
О, если бъ мнѣ стихіи покорялись!...
Однимъ ударомъ я-бъ разрушилъ міръ
И молніей спалилъ бы всѣ картины....
Пусть гибнетъ все.... Пощады ни-чему
И первое погибни ты искусство!...
Искусство вздоръ.... Оно на днѣ бутылки,
Вотъ гдѣ оно искусство.... Пить и пить....
Страстямъ своимъ.... отважно предаваться,
Роскошничать и въ нѣгѣ утопать —
Вотъ жизнь!... И Рафаэль такъ жилъ....
И я....

(Засыпаетъ. Громъ и молнія. Фети спитъ непробуднымъ сномъ.... Освѣщенная молніей, блѣдная и худая, съ распущенной косой появляется Анунціата и останавливается передъ спящимъ Фети.)

АНУНЦІАТА.

Богохулитель дерзкій!
И это ты, что обѣщалъ такъ много,
Ты, кѣмъ была я нѣкогда горда,
Кому вполнѣ безумно предавалась,
Кѣмъ я жила и страстно упивалась, —
И это ты мой свѣтлый идеалъ?
Проклятіе! Ты дерзостно попралъ
Святыню чувствъ, надеждъ и вдохновеній,
Ты погубилъ въ зародышѣ свой геній,
На полпути къ безсмертію ты палъ!

(Фети просыпается, и съ ужасомъ смотритъ на Анунціату.)

ФЕТИ.

О Боже! Прочь ужасное видѣнье....
Анунціата!!... Это страшный сонъ,
Иль совѣсти тревожное явленье?!
Я безъ того разбитъ и сокрушонъ....
Анунціата, ты ли?...

АНУНЦІАТА.

Это я!
Я — казнь тебѣ ниспосланная свыше!...
А! ты узналъ меня!... Да, это я —
Твоя Анунціата!... Это я,
Доминикино Фети!... О, гляди, гляди
Я мало измѣнилась. Не правда ли?
. . . .
Проклятіе, проклятіе тебѣ!

ФЕТИ (упадая предъ нею на колѣна.)

Не проклинай! Не я, не я, а люди —
Виновники погибели моей!
У ногъ твоихъ позволь мнѣ умереть,
Дай выплакать у ногъ твоихъ прощенье....
Не я, не я, — а люди!. . . . . . .
. . . .

ДВА ОТРЫВКА

ИЗЪ ДРАМЫ

ПЕТРОВЪ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

СЦЕНА ПОСЛѢДНЯЯ.

(въ Москвѣ въ 1763 году)

Скворцовъ, бывшій студентъ ....ской Академіи, товарищъ Петрова, ходитъ по комнатѣ неровными шагами, блѣдный, мрачный, задумчивый, съ нѣсколько-всклокоченными волосами.

СКВОРЦОВЪ.

И онъ называетъ меня своимъ другомъ!... Другомъ!... Но развѣ друзья поступаютъ такимъ образомъ?... (*Останавливается, складываетъ на груди руки, дико поводитъ глазами и потомъ ударяя себя въ лобъ, продолжаетъ съ возрастающимъ жаромъ.*) Петровъ, ты не обманешь меня. Я читаю на днѣ твоего сердца.... Ты любишь ее.... Не даромъ, въ продолженіе мѣсяца ты избѣгаешь откровеннаго разговора со мною, не хочешь отвѣтствовать мнѣ на мои вопросы о причинѣ твоей грусти. Ты не желаешь, можетъ статься, поразить меня признаніемъ.... Напрасно же ты думаешь скрыть отъ меня свою тайну.... Что значитъ твой дрожащій голосъ, твои безпокойныя движенія, твоя мрачность?

Во всѣхъ поступкахъ твоихъ изобличаются признаки сердечной болѣзни....

И она.... кажется и она поглядываетъ на тебя неравнодушно.... О, коварная!... Онъ послѣдній разъ читалъ ей какіе-то стихи; въ этихъ стихахъ упоминалось что-то объ Амурѣ, о колчанѣ, о стрѣлахъ, о сапфирахъ, адамантахъ, рубинахъ и смарагдахъ, которые поражаютъ взоръ очей.... Эти метафорическіе обороты относятся явно къ ней. Такъ, нѣтъ сомнѣнія, онъ любитъ ее!... (*Послѣ минутнаго молчанія.*) Да и Иванъ Кузмичъ смотритъ на него слишкомъ благосклонно.... Онъ все толкуетъ о его піитическомъ талантѣ.... Нѣтъ это не даромъ! не даромъ!

(Въ бѣшенствѣ ударяетъ кулакомъ о столъ; въ эту минуту входитъ Петровъ съ лицомъ сіяющимъ радостію. Онъ бросаетъ шляпу на стулъ и ставитъ въ уголъ трость.)

ПЕТРОВЪ (подходя къ Скворцову и слегка ударивъ его по плечу.)

Какъ поживаешь, любезный другъ? Что такъ печаленъ?

СКВОРЦОВЪ (не глядя на него.)

А чему же прикажешь радоваться?... (*Съ ироническою улыбкою.*) У меня, братецъ, такъ же есть свои тайны, какъ и у тебя.

ПЕТРОВЪ.

Но прежде ты ихъ открывалъ своему другу? Мы дѣлили вмѣстѣ и горе и радость.

СКВОРЦОВЪ.

Не всегда.

ПЕТРОВЪ.

Полно, полно хандрить по пустякамъ! Теперь никто не долженъ печалиться.... Москва ликуетъ, какъ невѣста, разубранная драгоцѣнными камнями, выписными тканями и умащенная благоуханіями. Всѣ россіяне....

СКВОРЦОВЪ (при словѣ невѣста вздрагиваетъ.)

Какъ невѣста?... (*Глубоко вздыхаетъ и послѣ минутнаго молчанія.*) Однако, Петровъ.... почему же совѣтуешь ты веселиться другимъ, когда самъ все это время былъ мрачнѣе осенней ночи?...

ПЕТРОВЪ.

Я?... Взгляни на меня, Скворцовъ.... Взгляни хорошенько.... Тучи, помрачавшія чело мое, исчезли ... и въ сію минуту оно горитъ и блещетъ какъ лучезарный Фебъ.... Кажется, въ жилахъ моихъ вмѣсто крови текутъ струи чистѣйшаго вдохновенія, кастальскія струи.... Кажется, Апполонъ улыбается мнѣ въ позлащенномъ облакѣ и манитъ къ себѣ....

Благословенъ, подъ русскимъ небомъ
Свое дыханье кто влечетъ!

СКВОРЦОВЪ (въ сторону, бросая дикіе взоры на Петрова.)

Вѣроятно онъ получилъ благословеніе отъ Ивана Кузьмича на бракъ съ Марьей Ивановной.... Все кончено! Смерть и адъ!

ПЕТРОВЪ (не замѣчая дикихъ взглядовъ Скворцова, вдохновенно распростираетъ руки.)

Другъ и братъ! Скорѣй, скорѣй въ мои объятія, на мою волнующуюся грудь!... О, какъ бьется мое сердце!

(Онъ хочетъ броситься въ его объятія.... Скворцовъ отталкиваетъ его съ бѣшенствомъ.)

СКВОРЦОВЪ

Прочь, прочь! Ты издѣваешься надо мною.... Въ тебѣ нѣтъ ни чести, ни совѣсти, ни жалости.... Лучше однимъ ударомъ лиши меня жизни, но не отравляй медленнымъ ядомъ!

ПЕТРОВЪ.

Что это значитъ?... Лишить жизни? ядъ?... Ты рехнулся.... Я ничего не понимаю.

СКВОРЦОВЪ.

Да, лучше было бы мнѣ рехнуться, чѣмъ въ полномъ разумѣ дожить до этого дня!

ПЕТРОВЪ.

До какого дня?

СКВОРЦОВЪ.

Полно хитрить. Я все понялъ, все разгадалъ. Ты любишь Марью Ивановну, она любитъ тебя, ты объяснился съ нею и съ ея отцомъ и получилъ ея руку.

ПЕТРОВЪ (подставляя указательный палецъ ко лбу.)

А! я теперь все понялъ.... ревность!.. (*Ходитъ въ волненіи по комнатѣ.*) Бѣдный!... Онъ не въ состояніи понять меня.... О, люди! люди!... Какъ тяжко жить посреди васъ піитѣ.... Его настоящая обитель — Олимпъ.... Его настоящіе друзья — боги. А Скворцовъ еще другъ мнѣ!... (*Сардонически смѣется.*) Мой восторгъ, мое вдохновеніе, мой піитическій жаръ — онъ жалкій смертный, принимаетъ за любовь къ Марьѣ Ивановнѣ!... Не Марья Ивановна, а музы вѣнчаютъ меня своей любовію! не Иванъ Кузьмичъ, а земные боги награждаютъ меня своими щедротами!.. Апполонъ отмѣтилъ меня перстомъ своимъ. Минерва украсила чело мое вѣнкомъ миртовымъ.... Нѣтъ, піитъ ничего не можетъ имѣть общаго съ людьми.... Піитъ — огонь, пламя; люди — вода, ледъ!... Толпа современная не пойметъ меня!... (*Онъ обращается къ Скворцову.*) Скворцовъ, успокойся другъ.... Марья Ивановна

остается при тебѣ.... Я у тебя не отнимаю ее. Ты ее любишь и она тебя любитъ.... Еще третьяго-дня она говорила мнѣ, послѣ того, какъ я прочелъ ей мою оду на Карусель: «Я — говоритъ — всѣмъ сердцемъ и всею душею люблю «Антона Петровича и ни за кого, кромѣ его, не выйду замужъ.»

СКВОРЦОВЪ (недовѣрчиво, дрожащимъ голосомъ.)

Можетъ ли это быть?

ПЕТРОВЪ.

Увѣряю тебя честью піиты!

СКВОРЦОВЪ.

Ты не шутишь?

ПЕТРОВЪ.

Что за шутки! .. Что за неумѣстная ревность!

СКВОРЦОВЪ.

Но объясни же мнѣ причину твоей грусти и причину твоего внезапнаго восторга?

ПЕТРОВЪ (значительно улыбаясь, вынимаетъ изъ кармана тетрадь и читаетъ съ жаромъ.)

Молчите, звучны плесковъ громы
Пиндара слышные въ устахъ;
Подъ прахомъ горды иподромы,
Отъ коихъ Тибръ стоналъ въ брегахъ,
До облаковъ всходили клики,
Коль вы предъ онымъ невелики,
Кой намъ открытъ въ прекрасный вѣкъ,
Когда питомецъ вѣчной славы
Могучей росскія державы
Геройства Росъ на подвигъ текъ!
. . . .
Отверзъ Плутонъ сокровищъ нѣдра....

СКВОРЦОВЪ (перебивая его.)

Дивные стихи! Какой піитическій огнь! Какая звучность, какое громогласіе. Это начало твоей «Оды на Карусель»....

ПЕТРОВЪ.

Да. И ты полагаешь, что акромя тебя, Марьи Ивановны и Ивана Кузьмича, никто не знаетъ этой оды?

СКВОРЦОВЪ.

Ты ее читалъ, помнится, Преображенцову и Срѣтенскому.

ПЕТРОВЪ (презрительно.)

Преображенцову! Срѣтенскому!...

(Смѣется.)

СКВОРЦОВЪ.

Но мы отклонились отъ главнаго предмета.... Ты говоришь, что Марья Ивановна любитъ меня, что ты къ ней равнодушенъ, однако твои стихи къ ней, въ которыхъ ты сравнивалъ ее съ смарагдами, адамантами....

ПЕТРОВЪ.

Стихи къ ней?... Я сравнивалъ ее съ смарагдами?... что за нелѣпость! Развѣ ты забылъ продолженіе моей «Оды на Карусель»....

Подземный свѣтъ вдругъ выникъ весь;
Натура что родить всещедра,
Красотъ ея предстала смѣсь.
Сапфиры, адаманты блещутъ,
Рубинъ съ смарагдомъ искры мещутъ
И поражаютъ взоръ очей.

Развѣ это относится къ Марьѣ Ивановнѣ?...

СКВОРЦОВЪ.

Такъ это не къ ней, не къ ней?... Такъ ты точно не имѣешь претензій на ея руку?... (*Въ восторгѣ.*) Петровъ, другъ! Прости меня!

(Бросается на шею къ Петрову, цалуетъ его и плачетъ.)

ПЕТРОВЪ.

Успокойся, другъ!... (*Торжественно.*) Она будетъ принадлежать тебѣ.... Дѣло, начатое Амуромъ, долженъ покончить Гименей.... Моя любовь, моя любовь — музы; я не измѣню имъ для Марьи Ивановны. Уже я достигъ вершины Парнаса, уже во срѣтеніе мнѣ течетъ богъ поэзіи и вручаетъ мнѣ позлащенную лиру.... Уже

Явилась радуга на небѣ!
И ярки зрятся въ ней цвѣты.
Ахъ! кія ты лучами, Фебе,
На тучахъ пишешь красоты!...

Уже въ изумленіи оступили меня Парнасскіе боги, впервые внимая прекрасному, гремящему и бряцающему языку россійскому. Плѣнительные звуки очаровали ихъ.... Уже Россскіе герои нашли пѣвца своихъ подвиговъ. Мечь и цѣвница, цѣвница и мечь!

Герою муза будь послушна,
Немедля въ звонку желвь ударь;
Твой гласъ пространства царь воздушна,
Сердечныхъ гласъ движеній царь!

Оцѣнятъ ли мой подвигъ?... Онъ уже оцѣненъ! оцѣненъ! (*Въ жару толкаетъ Скворцова.*) А, это ты, Скворцовъ?

СКВОРЦОВЪ.

Да, это я, здѣсь передъ тобою.... А ты гдѣ, Петровъ.... Ужь не въ Элизіумѣ ли?...

ПЕТРОВЪ (смотритъ на него сложа руки.)

Я тамъ! (*Указываетъ на потолокъ.*) Слушай. Недѣли двѣ тому назадъ, я отдалъ стихи мои князю Меценатскому и съ трепетомъ ожидалъ послѣдствій.... Эти двѣ недѣли я провелъ въ страшномъ волненіи; ты замѣтилъ, какъ я измѣнился

и безпрестанно спрашивалъ меня о причинѣ моей грусти, въ безумной ревности приписывая эту грусть любви моей къ Марьѣ Ивановнѣ. Я до времени ничего не хотѣлъ открывать тебѣ; но теперь, теперь.... (*Съ гордостію поднимая очи горé.*) Читай это письмо....

(Подаетъ Скворцову письмо. Скворцовъ читаетъ. На лицѣ его замѣтно удивленіе, доходящее до остолбенѣнія.)

СКВОРЦОВЪ (перечитавъ нѣсколько разъ письмо, какъ бы не довѣряя глазамъ своимъ.)

Какъ! неужели? Петровъ! И ты, и ты удостоенъ такой чести? Имя Петрова повторяется съ уваженіемъ вельможескими устами! Всѣ о тебѣ спрашиваютъ, всѣ хотятъ тебя видѣть!... И ты, и ты, Петровъ, вознесенъ на ту вершину, куда взоръ бѣднаго смертнаго и во снѣ не осмѣливается заглянуть.... И ты одолженъ этому своей «Одѣ на Карусель»?..,

ПЕТРОВЪ.

Тому священному огню, который пылаетъ въ груди моей.... Понимаешь ли ты теперь мой восторгъ?...

СКВОРЦОВЪ.

О, понимаю!... И ты получилъ такое огромное денежное поощреніе?...

ПЕТРОВЪ (торжественно.)

Благословенна земля, производящая князей Меценатскихъ!...

СКВОРЦОВЪ (пожимая плечами.)

Похвально, но непонятно! Кто бы могъ это подумать?... Ты, который ведешь такую безтолковую жизнь, твое разгулье, твои проказы.... Непостижимо!

ПЕТРОВЪ.

Ха, ха, ха! Долой съ неба піитъ!... Вотъ судъ бѣдныхъ смертныхъ, твоихъ современниковъ!... Понимаешь ли ты, что

піитъ живетъ двойною жизнію, что онъ, какъ и всѣ дѣти земли, окованъ тѣломъ.... Что въ то время, когда духъ его витаетъ тамъ на высотахъ....

(Входитъ Иванъ Кузьмичь въ длинномъ сюртукѣ, съ широкимъ кушакомъ и съ косой, болтающейся сзади.)

ИВАНЪ КУЗЬМИЧЬ.

Здравствуйте, мои милостивцы, что вы подѣлываете?

ПЕТРОВЪ.

А, Иванъ Кузьмичь! *(Подаетъ руку и говоритъ въ сторону.)* Очень кстати....

(Скворцовъ подходитъ къ Ивану Кузьмичу и объясняется съ нимъ въ полголоса. Иванъ Кузьмичь воздѣваетъ руки къ потолку въ изумленіи и безпрестанно повторяетъ: «Неужели?... Можетъ ли статься? О, необычайное событіе!» Потомъ подходитъ къ Петрову.)

ИВАНЪ КУЗЬМИЧЬ (низко кланяясь.)

Василій Петровичь! Позвольте принести вамъ мое усердное, мое нижайшее поздравленіе.... На верху почестей и славы не забудьте и объ насъ, вашихъ покорныхъ почитателяхъ и усердныхъ богомольцахъ.

ПЕТРОВЪ.

Благодарю, благодарю!... Какъ могу я забыть васъ? Я былъ принятъ въ вашемъ домѣ, какъ родной.... Но у меня есть до васъ просьба, Иванъ Кузьмичь.

ИВАНЪ КУЗЬМИЧЬ (низко кланяясь.)

Что прикажете, Василій Петровичь! Все готовъ исполнить, все, что вамъ будетъ угодно.... Но, можетъ, вы шутите.... Какая можетъ быть у васъ просьба до меня, ничтожнаго, ничего незначащаго человѣка?...

ПЕТРОВЪ.

Я нисколько не шучу.... Знаете ли вы его?

(Указываетъ на Скворцова.)

ИВАНЪ КУЗЬМИЧЬ.

Антона-то Петровича?... Какъ не знать.... Старые знакомые....

(Скворцовъ смотритъ на Петрова, вытаращивъ глаза.)

ПЕТРОВЪ.

Онъ любитъ вашу дочь... Ваша дочь любитъ его... Иванъ Кузьмичь, надо соединить любящіяся сердца.

(Скворцовъ съ чувствомъ смотритъ на Ивана Кузьмича.)

ИВАНЪ КУЗЬМИЧЬ.

Такъ.... Антонъ Петровичь прекрасный человѣкъ.... Я лучшаго зятя не желалъ бы имѣть; но.... дочь моя бѣдна.... онъ также....

ПЕТРОВЪ.

Что касается до этого, не безпокойтесь.... (*Вынимаетъ изъ кармана кошелекъ.*) Этотъ кошелекъ туго набитъ полуимперіялами; я его получилъ за мою оду.... Намъ піитамъ не нужны деньги.... Этотъ кошелекъ принадлежитъ Скворцову.... Скворцовъ, возьми его.... Эти деньги пригодятся тебѣ на свадебныя издержки....

СКВОРЦОВЪ (въ волненіи бросается къ Петрову.)

Петровъ!... Василій Петровичь!... О! это слишкомъ.... слишкомъ.... Нѣтъ, я не возьму этихъ денегъ.... Я не могу....

ИВАНЪ КУЗЬМИЧЬ (въ сторону.)

Благодѣтель! Человѣкъ единственный, великій піитъ!

ПЕТРОВЪ (Скворцову съ упрекомъ.)

Такъ ты не хочешь принять этотъ ничтожный подарокъ отъ друга?...

СКВОРЦОВЪ.

Но....

ПЕТРОВЪ.

Безъ *но*.... Поцалуй меня.... (*Скворцовъ рыдаетъ, осыпая Петрова поцалуями. Петровъ обращается къ Ивану Кузьмичу.*) Не тревожтесь, Иванъ Кузьмичь.... Участь Скворцова будетъ обезпечена.... Я выхлопочу ему чрезъ князя Меценатскаго выгодное мѣсто.... Обнимите вашего зятя....

ИВАНЪ КУЗЬМИЧЬ (сначала обнимаетъ Петрова со слезами и бормочетъ сквозь зубы:)

Благодѣтель! Благодѣтель! (*Потомъ бросается въ объятія Скворцова, говоря:*) Милый зять!...

(Оба заливаются слезами.)

ПЕТРОВЪ (Ивану Кузьмичу.)

Иванъ Кузьмичь, Скворцовъ достоинъ Марьи Ивановны.... Они будутъ счастливы.... (*Къ Скворцову.*) Скворцовъ, твой тесть достоинъ тебя.... Питай къ нему уваженіе.... Да благословитъ васъ Господь!

СКВОРЦОВЪ И ИВАНЪ КУЗЬМИЧЬ (въ одинъ голосъ.)

Благодѣтель нашъ! Мы вѣкъ будемъ молить Бога о твоемъ счастіи!

(Нѣмая картина. Скворцовъ кладетъ одну руку на сердце, другую простираетъ къ Петрову, съ нѣжностію глядя на него. Иванъ Кузьмичь стоитъ съ благоговѣйно-сложенными руками... Въ отдаленіи раздаются звуки музыки и пѣніе.)

Любовь и дружба есть блаженство,
Даръ лучшій смертнымъ отъ высотъ,
Любовь есть міра совершенство
Его твердыня и оплотъ!...

ДѢЙСТВІЕ III.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

СЦѢНА ПЕРВАЯ.

(Въ орловской деревнѣ Петрова въ маѣ 1795 года.)

Петровъ въ халатѣ, въ колпакѣ, сидитъ въ старинныхъ креслахъ; противъ него на другомъ креслѣ, его жена вяжетъ чулокъ.... Они безпрестанно поглядываютъ другъ на друга съ умилительною нѣжностію и примѣрнымъ чувствомъ.

ПЕТРОВЪ.

Милый малютка! Онъ сокрылся отъ насъ въ селеніи горнія.... Тамъ ему лучше, Катерина Андреевна, не правда ли, лучше?

КАТЕРИНА АНДРЕЕВНА.

Лучше, мой другъ, Васинька, несравненно лучше.

ПЕТРОВЪ.

Да! тамъ онъ витаетъ въ сонмѣ херувимовъ!... Катерина Андреевна, онъ, малютка, подалъ намъ примѣръ, какъ должно переносить страданія, какъ должно умирать. У него была душа великая въ тѣлѣ маломъ. Онъ такъ покорно сносилъ лютую болѣзнь и столько силъ явилъ въ борьбѣ съ нею.

(На глазахъ Петрова показываются слезы; жена спускаетъ двѣ петли и заливается слезами.)

КАТЕРИНА АНДРЕЕВНА.

О, Николашенька! другъ нашъ Николашенька! Зачѣмъ ты оставилъ насъ, голубчикъ?

ПЕТРОВЪ.

Не ропщи, Катерина Андреевна. Роптать грѣхъ. Мы всѣ родимся на то, чтобъ умереть, сказалъ Гавріилъ Романовичь Державинъ. (*Со вздохомъ.*) Сущая правда!... Нашъ Николашенька былъ не жилецъ на землѣ. Утѣшемся мыслію, что тамъ ему лучше. (*Встаетъ, цалуетъ жену, и, прохаживаясь по комнатѣ, говоритъ съ жаромъ.*) Я не хочу читать никакихъ мудрецовъ, я брошу всѣ книги.... И чему я научусь у этихъ мудрецовъ и что я вычитаю въ этихъ книгахъ?... Въ дому нашемъ, подъ нашими взорами возрасталъ безграмотный мудрецъ! (*Подходитъ къ женѣ.*) Полно, не плачь, мое милое, доброе существо! Я написалъ стихотвореніе на смерть Николаши.... Позволь мнѣ прочесть его тебѣ.... Это не разстроитъ тебя?...

КАТЕРИНА АНДРЕЕВНА.

О, нѣтъ мой ангелъ; ты знаешь, что стихи твои точно какъ бальзамъ дѣйствуютъ на мое больное сердце.

ПЕТРОВЪ.

Добрая, примѣрная жена!...

(Декламируетъ наизусть.)

Такъ нѣтъ тебя, дитя любезно!
Сомкнулъ ты очи навсегда;
И легъ, всѣмъ зрѣлище преслезно.
О, скорбь! о, лютая бѣда!

Я плачу, глазъ не осушая,
И стономъ надрываю грудь.
И льзя-ль себя не сокрушая,
Николиньку воспомянуть?

Учися быть ему подобенъ;
Печаль внутрь сердца ты запри;
Живи, какъ онъ — правдивъ, незлобенъ;
Какъ онъ, нетрепетно умри.

И я отъ смертныхъ устранюся,
Теку съ поспѣшностью въ твой слѣдъ;
Да тамъ съ тобой соединюся,
Гдѣ нѣтъ печалей, страховъ, бѣдъ.

Мы станемъ тамо на единѣ
Бесѣдовать, въ садахъ гулять;
Я буду тамъ тебя, мой сыне!
А ты меня увеселять....

КАТЕРИНА АНДРЕЕВНА (рыдая.)

Васинька, другъ мой милый.... Что это ты такое сочинилъ? Такъ ты хочешь оставить меня горемычную, ты хочешь умереть?

ПЕТРОВЪ.

Милый другъ мой, оборони меня Боже отъ этой мысли!... это такъ только въ поэзіи говорится.

КАТЕРИНА АНДРЕЕВНА (утирая слезы.)

То-то же! А я ужь думала, что ты это въ самомъ дѣлѣ хочешь умереть....

ПЕТРОВЪ.

Нѣтъ, Катенька! Тебя оставлять мнѣ не приходится. Ты меня помирила съ земною жизнію. Въ юныя лѣта я полагалъ, что піитъ можетъ обитать только на Парнасѣ, въ сообществѣ боговъ; но ты отвергла эту дерзкую мысль, заставивъ вкусить меня земное счастіе здѣсь, вдали отъ людей, въ Орловской

губерніи, въ селѣ Сычовѣ!... Ты умѣешь, Катенька, услаждать забавой многомятежное житье, умиляясь проливать слезы и нѣжно восхищаться....

(Становится предъ нею на колѣни и вдохновенно продолжаетъ.)

Ты горлица моя, мнѣ нравиться умѣешь,
И больше всѣхъ любви законы разумѣешь.
Не въ правду ли любовь есть сильно божество,
Что наше и живитъ и множитъ существо?
Не въ правду ли въ тебѣ сугубо я дыхаю,
А безъ тебя, какъ цвѣтъ безъ влаги, изсыхаю?
Что въ отросляхъ моихъ, посредствомъ я тебя
Многообразно самъ дѣлюся на себя!...

КАТЕРИНА АНДРЕЕВНА (въ умиленіи обнимая супруга.)

О, мое счастіе! о, моя радость! какіе безподобные стихи!

ПЕТРОВЪ (встаетъ и продолжаетъ съ возрастающимъ вдохновеніемъ.)

Они хороши потому, что внушены тобою, твоею любовію, —

Ты вся сама любовь, и словомъ ты и дѣломъ,
Душой любовь и тѣломъ;
Ты вся любовь.
Полюбитъ, на тебя кто взглянетъ;
Коль говорить съ тобою станетъ,
Тебя полюбитъ вновь,
Но сколько жару въ томъ изъ смертныхъ усугубишь,
Кого сама полюбишь!

КАТЕРИНА АНДРЕЕВНА.

Я не хочу никого любить, акромя тебя.

ПЕТРОВЪ.

О, сколь прекрасна ты
Въ семъ нѣжномъ изліяньи....

(любуясь ею.)

Твои, о жено! красоты
Вселяютъ въ душу упованьи.
Въ постелю ляжешь ты, какъ солнце заходяще
Прекрасна и мила;
Сонъ очи тяготитъ, но попеченье бдяще
Твердитъ тебѣ сквозь сонъ велики дня дѣла.
Ты часто свой покой теряешь,
Другихъ покоити хотя,
И пробудяся слухъ вперяешь,
Не плачетъ ли дитя.

КАТЕРИНА АНДРЕЕВНА.

Да.... Васинька! Дѣти и ты, ты и дѣти — вотъ все мое блаженство, вотъ вся утѣха моей жизни.

ПЕТРОВЪ (движимый богомъ вдохновенія, продолжаетъ импровизировать.)

Съ постели встанешь ты, какъ тихая Аврора,
Природны кажуща красы,
Величественна безъ убора,
По раменамъ твои распущены власы;
Младенецъ при сосцѣ висящій,
Сосецъ твой жизнь въ него росящій,
Твою сугубитъ красоту
И возвышаетъ ризъ небрежну простоту....

КАТЕРИНА АНДРЕЕВНА.

И если бы не безпокойства по хозяйству, если бы не староста Ѳомка, который такъ часто досаждаетъ намъ, — по-

вѣрь, мой другъ, село Сычово я не промѣняла бы на самый рай.

ПЕТРОВЪ (беретъ жену за руку.)

Но ты безъ палицъ судія, безъ скипетра царица,
Ты судишь подданныхъ, страхъ въ сердце ихъ лія!
И улыбаясь какъ денница
Мѣшаешь бурю съ тишиной!

КАТЕРИНА АНДРЕЕВНА.

Такъ ты, Васинька, счастливъ со мною?

ПЕТРОВЪ.

Да, Катя милая, любовію твоей,
Подъ солнцемъ я счастливый изъ мужей.
О, ангелъ! стражъ семьи ты вѣчно для меня
Одна въ подсолнечной красавица, Прелеста,
Мать истинная чадъ,
Живой источникъ мнѣ отрадъ,
Всегда любовница, всегда моя невѣста!..

(Катерина Андреевна обнимаетъ мужа. Въ объятіяхъ другъ друга они подходятъ къ окну. Солнце садится. Пастухъ гонитъ домой стадо и наигрываетъ въ рожокъ. Весенній вѣтерокъ прохлаждаетъ разгорѣвшіяся ланиты супруговъ.... Вдали поетъ соловей.... Супруги нѣсколько минутъ смотрятъ страстно другъ на друга въ молчаніи.)

КАТЕРИНА АНДРЕЕВНА.

Слышишь, соловей поетъ!

ПЕТРОВЪ.

Да!
О, ты, пѣвецъ прешибкой
Душа велика, малый ростъ,
Скача по вѣтви гибкой
Корючишь къ верху хвостъ

Жарокъ
Ярокъ
Удалой соловей,
Всѣхъ даромъ веселишь музыкою своей!
Сперва онъ цвикаетъ, чуть слышенъ по немногу
И стелетъ голосу изъ горлышка дорогу;
Какъ грянетъ, полетятъ и ядра вдругъ и дробь;
То тоны всѣ мѣшаетъ
И рощи оглушаетъ
То ставитъ каждый стихъ особь;
Творенье малосонно
Всю часто ночь на сквозь кричитъ безугомонно;
. . . .
Не диво-ль? крошечная глотка,
А въ ней свирѣль, труба, тимпанъ, трещотка!
. . . .

(Въ эту минуту входитъ староста Ѳомка. Катерина Андреевна вырывается изъ объятій супруга и подбѣгаетъ къ старостѣ. Петровъ продолжаетъ слушать пѣніе соловья.)

АПРОНІЯ.

РИМСКАЯ ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ЮНІЙ, всадникъ, молодой стоикъ.
ФЛАВІЙ СЦЕВИНІЙ / АФРАНІЙ КВИНТІАНІЙ } сенаторы.
ФЛЕНІЙ РУФЪ, префектъ преторіи.
ВОЛУЗІЙ ПРОКУЛЪ, старецъ-стоикъ.
АПРОНІЯ, дочь умершаго добродѣтельнаго сенатора.
АГРИППИНА, ея мать, нѣжно-любящая и безъ рѣчей.
ЭПИХАРИСА, подруга Апроніи.
ЛОКУСТА, волшебница.
ТУЛЛІЙ, отпущенникъ добродѣтельнаго сенатора, отца Апроніи.
Граждане, центуріоны, гладіаторы, глашатаи, рабы, музыканты, менады и проч. и проч.

Дѣйствіе въ Римѣ въ 65 г. по Р. X.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Что такое Римъ, языческій Гимъ во вторую половину кесарскаго владычества? Скрижаль, на которой начертаны слова: безумное празднество, дикая оргія, которая долженствовала окончиться окончательнымъ распаденіемъ и разрушеніемъ. Но въ этомъ роковомъ мракѣ, охватившемъ весь Римъ, изрѣдка появляются яркія звѣзды, разливающія вокругъ себя проблески возвышеннаго духа и героической добродѣтели, по большой части стоики. Таковы въ моей драмѣ *Апронія* и *Юній*.

Тацитъ — основа для ея содержанія. Историческихъ данныхъ въ ней мало, посильной фантазіи или *licentia poetica* много, но эта фантазія отражаетъ эпоху, оттого преобладающими элементами драмы: напыщенность, витіеватость, холодность, реторика, фразы. Не ищи въ ней болѣе ничего, другъ-читатель! ..

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Перистиль въ домѣ вдовы умершаго и добродѣтельнаго сенатора. Двадцать-четыре колонны съ арками, всѣ повитыя плющемъ и павиликой. Посрединѣ сажалка, устланная мраморомъ, которую отѣняетъ кустъ серенги (дикаго жасмина); по угламъ фонтаны. Въ промежуткахъ колоннъ статуи. Апронія сидитъ, скорчившись, *подъ кустомъ* серенги и вдыхаетъ ея ароматъ. Она въ оранжевой туникѣ; въ черной, густой косѣ ея пунцовая георгина. Она задумчива. Всѣ движенія ея исполнены необыкновенной граціи и нестерпимаго очарованія, такъ же, какъ и рѣчи. Неподалеку отъ нея Агриппина съ чувствомъ на нее смотрящая, Эпихариса съ прялкой и невольницы.

АПРОНІЯ.

О, какъ вдыхать пріятно благовонье
Жасмина.
(Смотритъ на цвѣтокъ и вдыхаетъ его ароматъ.)
Какъ онъ граціозно
Качается на тонкомъ стебелькѣ
Въ своей одеждѣ бѣлой.... Для чего
Я не цвѣтокъ? Будь я цвѣткомъ

Я бъ не для всѣхъ всегда благоухала....
Укрывшися средь родственныхъ листочковъ
(Едва слышно.)
Я видима была бъ лишь для *него*....
(Громко къ Эпихарисѣ.)
Вели, вели запѣть, Эпихариса,
Невольницамъ. Гармоніею пѣсни
Мой слухъ упиться хочетъ. Отдохнуть
Стремится пламенное сердце
На сладкозвучномъ ритмѣ.

ЭПИХАРИСА (невольницамъ.)
Ну, пропойте!

ХОРЪ НЕВОЛЬНИЦЪ.
Раздавайтесь пѣсней клики,
Наступилъ желанный часъ!
Для прекрасной Эвридики
Ожерелья и туники
Приготовлены у насъ!

Чтó съ красой ея сравнится?
Съ густотой ея кудрей?
Солнца свѣтъ, блѣднѣя, тмится
Отъ огня ея очей.

Сколько нѣги, сколько счастья
Эти очи подарятъ!...
На рукахъ ея запястья
Драгоцѣнныя горятъ....

Марцій-Фестій передъ нею,
Онъ ея привѣта ждетъ;

Скоро юноша своею
Эвридику назоветъ....

Раздавайтесь пѣсней клики,
Наступилъ желанный часъ!
Для прекрасной Эвридики
Ожерелья и туники
Приготовлены у насъ!

(Апронія вздыхаетъ. Мать продолжаетъ на нее смотрѣть съ нѣжностью.)

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ТУЛЛІЙ.

ТУЛЛІЙ (униженно преклонивъ голову.)
Дозволено ль предъ свѣтлыми очами
Апроніи ничтожному предстать?

АПРОНІЯ (едва кивнувъ головой.)
Salve! Что возвѣститъ намъ —
(съ ироніей)
Благородный Туллій?

ТУЛЛІЙ.
Для Туллія
Блаженная минута — твой образъ зрѣть....
И я къ тебѣ и ко вдовѣ достойной
Того, кто мнѣ свободу даровалъ,
Являюся съ почтеньемъ.

АПРОНІЯ (все съ ироніей)

Благодарю

За матушку и за себя; за память....
Я тронута. Благодарю тебя.

(Мать смотритъ на нее съ нѣжностью и удаляется. Апронія встаетъ и хочетъ слѣдовать за нею, вмѣстѣ съ Эпихарисой. Туллій останавливаетъ ее, между тѣмъ какъ Агрипина съ Эпихарисой уходятъ.)

ТУЛЛІЙ.

Остановись на краткую минуту
Молю тебя, Апронія, постой....
Прости меня. Слова мои нѣмѣютъ
На трепетно запекшихся устахъ.
А сердце, сердце бѣдное какъ бьется!...
Я изнемогъ.... Три года я страдаю
Безвыходной, но страшною болѣзнью —
Любовію безумною къ тебѣ....
Да! лотосомъ священнымъ я клянусь
Любить сильнѣй и жарче невозможно
О, пусть меня Юпитеръ-громовержецъ
Своимъ огнемъ сейчасъ испепелитъ,
Когда я лгу....

АПРОНІЯ (по мѣрѣ рѣчей его приходя въ негодованіе, вдругъ вскрикиваетъ.)

Прочь съ глазъ моихъ, презрѣнный...
О, боги, что я слышу!

ТУЛЛІЙ.

Для чего
Ты сжалиться надъ страждущимъ не хочешь?
О, раздѣли преступника любовь....

Но ты стоишь недвижно и хохочешь....
А за тебя готовъ пролить я кровь
По каплѣ. Все съ себя до нитки
Отдать. Мученья страшной пытки
Безъ жалобы и стоновъ претерпѣть
И съ именемъ Апроніи прекрасной,
Ее благословляя, умереть....
Брось на меня лучъ благодатный взора....
Изъ устъ твоихъ я жажду приговора....

АПРОНІЯ (съ презрительнымъ движеніемъ.)

Мой приговоръ (*хохочетъ*), безумецъ дерзновенный!
Я не могу безъ омерзенья видѣть
Передъ собой презрѣннаго раба....
(Еще разъ дѣлаетъ презрительное движеніе и уходитъ.)

ТУЛЛІЙ.

Все кончено.... Часъ мщенья наступаетъ
Отвергнутъ я!... Ужасно будетъ мщенье
Апронія! Я отплачу тебѣ
За тяжкое, обидное презрѣнье!
Подземные властители! трикраты
Взываю къ вамъ я именемъ Гекаты!
(Ударяя себя въ лобъ, убѣгаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Римскій форумъ. На заднемъ, на переднемъ и на боковыхъ планахъ — базилики, храмы Минервъ, Вулкановъ, Марсовъ, Діанъ, Юпитеровъ-громовержцевъ со всевозможными священными лотосами и кипарисами. Водометы, статуи, капитоліи, тюрьмы и проч. На самомъ переднемъ планѣ справа или слѣва (какъ угодно, драмѣ это не повредитъ) домъ Агрипины, вдовы сенатора, съ выступными терасами, балкономъ, бесѣдкою. Вечеръ. Толпы гражданъ, рабовъ, торгашей и другихъ.

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Ты слышалъ ли, въ долинѣ Ватикана
Готовится ристалище? Самъ кесарь
Конями править будетъ въ колесницѣ.... (1)
Допущены всѣ будутъ безъ изъятья....
Вотъ зрѣлище....

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Ужели это правда?

(Первый гражданинъ повторяетъ свои слова, раздается нѣсколько голосовъ:)

Да здравствуетъ нашъ кесарь несравненный!

ТРЕТІЙ ГРАЖДАНИНЪ.

А въ рощѣ Августа идутъ какія игры!...
Тамъ деньги раздаютъ, чтобъ веселиться (2)

И пиръ горой до самой поздней ночи....
Самъ кесарь появляется нерѣдко,
Какъ свѣтлый, лѣпокудрый Апполонъ....
Своимъ присутствіемъ все въ мигъ одушевляя.

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Да здравствуетъ богамъ подобный кесарь!...
(Въ толпѣ появляется Волузій Прокулъ, старецъ-стоикъ.)

ВОЛУЗІЙ.

Чернь гнусная, безмысленно тупая!
Ты дико торжествуешь гибель Рима....
И на развалинахъ его безумно пляшешь
При заревѣ кроваваго пожара....
Лесть, подкупы, безстыдство и позоръ
Широкою рѣкою разлилися.
Послѣдній день твой наступаетъ, Римъ!
Ужь сонмъ боговъ смятенный на Олимпѣ
Готовитъ кары страшныя для васъ....
Уже готовъ Юпитеръ-громовержецъ
Разстлѣнный городъ молніей спалить....
О, горе всѣмъ....

(Во все время рѣчи Волузія, Апронія, стоявшая на балконѣ своего дома, внимательно слушала его.)

АПРОНІЯ (съ балкона.)

Ты правъ, почтенный старецъ!

(Толпа съ бѣшенствомъ бросается на Волузія.)

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Вѣщунъ проклятый! Замолкнешь ли?
Каменьями его!

ГРАЖДАНИНЪ (тихо.)

А правъ старикъ,
Клянусь богами, правъ!

(Громко въ толпѣ.)

Быть можетъ,
Онъ съумасшедшій.... Бросимте его....
Нѣтъ, смерть ему!... Онъ гибель возвѣщаетъ....

(Въ это время появляется на конѣ Юній, очаровательный молодой всадникъ. Толпа разступается передъ нимъ съ почтеніемъ.)

АПРОНІЯ (на балконѣ, быстро схвативъ себя за сердце.)

О, Юній!

ЮНІЙ (къ толпѣ.)

Что означаютъ эти крики?

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Да вотъ старикъ пришелъ къ намъ каркать гибель,
Такъ мы хотимъ каменьями его!

ЮНІЙ (бросивъ взглядъ на старика, къ толпѣ.)

Нѣтъ.... Старика оставьте.... Онъ больной....

(Съ горкой улыбкой.)

И оттого все въ черномъ свѣтѣ видитъ...
Пусть съ миромъ онъ идетъ себѣ домой....

(подъѣхавъ къ старику, тихо.)

Часъ не приспѣлъ, но близокъ этотъ часъ.
Теперь скорѣй ты удались отсюда
Волузій! твой услышанъ будетъ гласъ....
Но не теперь.... такъ замолчи покуда.

(Старецъ удаляется. Юній глядитъ продолжительно на Апронію, которая краснѣетъ и потупляетъ глаза. Онъ ей низко кланяется. Она, вздохнувъ, граціозно отвѣчаетъ на поклонъ.)

ЮНІЙ (на конѣ, шопотомъ.)

Предъ ней блѣднѣетъ красота Венеры!

АПРОНІЯ (на балконѣ, также шопотомъ.)

Предъ нимъ ничто самъ свѣтлый Апполонъ!

(Юній галопируетъ передъ балкономъ и потомъ скачетъ далѣе и исчезаетъ.)

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ (провожая его глазами.)

Нѣтъ въ цѣломъ Римѣ юноши прекраснѣй!
И какъ конемъ онъ чудно управляетъ!...

(Туллій подходитъ въ эту минуту къ говорящему.)

ТУЛЛІЙ.

Да, молодецъ.... и смѣлъ. Отличный всадникъ!

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ (къ Туллію.)

И онъ влюбленъ въ Апронію, ты знаешь....
Вотъ парочка! И онъ ея женихъ,
Всѣ говорятъ.... Она безумно любитъ
Его.... чего же лучше?

ТУЛЛІЙ (блѣднѣя.)

Въ самомъ дѣлѣ?
Прекрасно! Чудно! Парочка на славу.

(Толпа расходится. Туллій остается одинъ.)

И я не вѣдалъ этого, безумный!
Теперь лишь прозрѣвать я начинаю....

(скрежещетъ зубами.)

Прекрасно.... лучше быть нельзя....
Такъ не одна — въ рукахъ моихъ двѣ жертвы!...

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Катакомба близь Рима.

ВОЛУЗІЙ ПРОКУЛЪ И ЮНІЙ.

ЮНІЙ.

Я какъ отца тебя, почтенный старецъ,
Глубоко уважаю, и тебѣ,
Философъ мудрый, я обязанъ всѣмъ.
Міръ въ стоиковъ весь долженъ превратиться.
Да, таково грядущее его!
Но я молю, отецъ! не подвергайся
До времени опасности....

ВОЛУЗІЙ.

Тебя
Благодарю, мой сынъ, я за спасенье,
Но смерть готовъ всечасно я принять
За мудрое, глубокое ученье.

ЮНІЙ.

Ты нуженъ намъ. Беречь ты долженъ жизнь.
Живи, чтобы творить живыхъ адептовъ,
Чтобъ гибнущихъ людей скорѣй спасать....
Отецъ! къ тебѣ я съ просьбой прибѣгаю.
Апронію ты знаешь; но не знаешь
Что Агриппина насъ благословила,
И что теперь ужь гласно я женихъ....
Апронія къ тебѣ прійдти желаетъ;
Твоихъ рѣчей возвышенныхъ услышать

Душа ея младая страстно жаждетъ....
Назначь ей часъ.... Она придетъ тайкомъ....
Я приведу ее....

ВОЛУЗІЙ.

Чрезъ три дня ровно въ полночь.

ЮНІЙ.

Dixi!

(Уходитъ.)

ВОЛУЗІЙ (провожая его глазами.)

До свиданья!...

(Въ то время, какъ Юній удаляется, изъ-за катакомбы показывается тѣнь, помахивающая кинжаломъ и обращенная къ Юнію.)

ТѢНЬ.

Ты мой, о Юній!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Мраморная столовая въ домѣ Флавія Сцевинія съ дорическими колоннами, уставленная статуями Бахуса и Венеры. Столы изъ мозаикъ; вокругъ ложи съ голубыми тканями. На полкахъ драгоцѣнные сосуды. Въ курильницахъ курятся благовонія.

ЯВЛЕНІЕ I.

ФЛАВІЙ СЦЕВИНІЙ, АФРАНІЙ КВИНТІАНІЙ И ФЛЕНІЙ РУФЪ префектъ преторіи,

ФЛЕНІЙ РУФЪ.

Пора принять рѣшительныя мѣры
И кесарю въ глаза повѣдать правду.
Доносы возрастаютъ ежедневно,
Порокъ открыто ходитъ величаясь,
На торжищахъ свершаются дѣянья,
Всѣхъ въ ужасъ приводящія...,

ФЛАВІЙ.

А кесарь?

ФЛЕНІЙ РУФЪ.

О, кесарь, нашъ властитель полвселенной,
Во всемъ подобный высшимъ божествамъ,
Не на него мы бьемъ челомъ, — на нравы.

АФРАНІЙ.

Прекрасно!... Именно на нравы. Нравы
Дошли до крайняго растлѣнья. Нельзя
Ужь далѣе идти. А! вотъ и Туллій.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ-ЖЕ И ТУЛЛІЙ.

ВСѢ ТРОЕ.

Привѣтъ тебѣ!

АФРАНІЙ.

Онъ протоколъ составитъ,
Мы подмахнемъ, да къ кесарю — и ладно.
Ужь я ему (*указывая на Туллія*) объ этомъ говорилъ.

ТУЛЛІЙ.

На все для васъ я искренно готовъ.

АФРАНІЙ.

Да не пора ль намъ приступить къ трапезѣ?
Богамъ пріятно смертныхъ возліянье,
Утѣшимъ же, друзья мои, боговъ!...

(Рабы несутъ блюда, возліяльники и пиршественные вѣнки. Совершивъ возліяніе, всѣ приступаютъ къ трапезѣ. Въ эту минуту входитъ Юній.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ-ЖЕ И ЮНІЙ.

ФЛАВІЙ СЦЕВИНІЙ.

Добро пожаловать. Какъ кстати, Юній!
Вѣнокъ еще, скорѣй вѣнокъ подайте
Изъ свѣжихъ и душистыхъ гіацинтовъ....
Возляжемъ (*къ рабу.*) Рабъ! ѳазосскаго вина!

ЮНІЙ (совершивъ омовеніе и возлегая.)

Нѣтъ, я не пью вина. Благодарю.
На что же вы рѣшились. Къ кесарю
Идете?...

АФРАНІЙ.

Идемъ, но только не сейчасъ.
Ужь протоколъ готовъ, — вотъ имъ написанъ....
(указывая на Туллія.)

ЮНІЙ (обмѣнявшись взглядомъ съ Тулліемъ, къ Афранію.)

Кто этотъ человѣкъ? Онъ знаетъ тайну?
Кто онъ?

ФЛЕНІЙ РУФЪ.

Отпущенникъ Апроніи отца.

ЮНІЙ (успокоиваясь.)

Онъ долженъ быть надеженъ. Впрочемъ,
Апронію я все-таки спрошу.

АФРАНІЙ.

Объ дѣлѣ порѣшили — и довольно,
Теперь за ужинъ....

ФЛАВІЙ СЦЕВИНІЙ (къ Юнію.)

Хочешь свѣжихъ устрицъ?

ЮНІЙ.

Благодарю. Нѣтъ, устрицъ я не ѣмъ.

ФЛАВІЙ СЦЕВИНІЙ.

Ну, раковинъ, поджаренныхъ въ золѣ?

ЮНІЙ.

Для ужина плохой я собесѣдникъ.

ФЛАВІЙ (продолжая.)

Павлиньи яица, свиныя ножки?...

(Юній на этотъ и на всѣ слѣдующія предложенія Флавія отрицательно качаетъ головой.)

Свиное вымя съ уксусомъ и тминомъ?...
Ну разныхъ птичекъ въ соусѣ горячемъ?...
Кусочки брюквы въ уксусѣ вареномъ?...
Сыръ, стрекозы, оливы изъ разсола?

ЮНІЙ (беретъ ножку стрекозы.)

Вотъ этого, клянусь, съ меня довольно.

ВСѢ (въ одинъ голосъ съ хохотомъ.)

Умѣренный желудокъ! Пстый стоикъ!
Ты съ голоду себя совсѣмъ моришь.

(всѣ пьютъ вино, кромѣ Юнія.)

За здравіе твое, нашъ стоикъ юный,
Ѳазосское мы осушимъ до дна....
Вина! вина! еще скорѣй вина!
Да пѣсенку въ честь Бахуса, Афраній!

АФРАНІЙ (поетъ.)

Взгляните, что за красота!
Верхомъ сидя на бочкѣ винной,
Онъ лижетъ тучныя уста
Съ улыбкой пьяной и невинной....

Вотъ онъ нашъ богъ, нашъ идеалъ!
Въ рукѣ его златой фіалъ....
Горятъ обвисшія ланиты
Пурпурнымъ пламенемъ облиты;

На лысой головѣ вѣнокъ —
И душъ возвышенныхъ отрада —

Въ фіалѣ благодатный сокъ
Изъ сочныхъ гроздій винограда!...

ФЛАВІЙ СЦЕВИНІЙ.

Возчествуемъ же бога винограда!
Онъ добрый и веселый богъ!

(встаетъ и торжественно.)

Полнѣй фіалы наливайте
Горѐ... (*дѣлаетъ жестъ рукою*) вотъ такъ! и поднимайте —
И разомъ — эдакъ осушайте!

(пьетъ до дна, и опять возлегаетъ.)

Теперь стишки подъ музыку.

ФЛЕНІЙ РУФЪ.

Изволь.

(Декламируетъ подъ музыку.)

Ѳебъ златокудрый въ своей колесницѣ блестящей,
Правя лѣниво конями, полнеба еще не объѣхалъ.
Съ улыбкой взиралъ онъ на землю, съ палящимъ дыханьемъ,
Съ любовію пылкой и жгучей ее обнимая.
Цвѣтки утомленные долгимъ вниманіемъ бога,
Стыдливо закрывшись, головки потупили долу, —
Въ эту минуту подъ тѣнью душистой оливы
Виномъ упоенная, вакхова дщерь засыпала,
Грудь ея млечная, будто волна, воздымалась,
Влагой подернуты тусклыя очи смежались,
Руки въ блестящихъ запястьяхъ небрежно раскинуты были....
Ею невидимый, долго смотрѣлъ я на дѣву,
Окомъ пронзительнымъ формы ея созерцая.

(Во вся время этихъ пѣсенъ, стиховъ и возліяній. Юній сидитъ мрачно, не принимая въ нихъ никакого участія.)

ФЛАВІЙ СЦЕВИНІЙ.

Стихи прекрасны. Римскія менады
Достойны страстныхъ пѣсенъ и стиховъ ...
Безъ нихъ нѣтъ пира....
(Ударяетъ трижды въ ладонь.)
Вотъ онѣ! Какъ кстати!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Менады вбѣгаютъ, извиваясь какъ змѣи, сплетаются руками, кружатся и разбѣгаются подъ музыку. Всѣ рукоплещутъ, кромѣ Юнія.

ЮНІЙ (вставая.)

Почтенные сенаторы! я молодъ.... (*Къ Фленію Руфію*)
Прости меня достойнѣйшій префектъ!
Не мнѣ, не мнѣ читать вамъ наставленья, —
Лѣта давно сребрятъ уже вашъ волосъ....
Не время проводить въ пирахъ и пѣсняхъ
И съ этими безстыдными (*указывая на менадъ*)... когда...
Римъ Августа, великій Римъ нашъ гибнетъ....
Нѣтъ, Риму мы должны подать примѣръ
Воздержной, строгой и приличной жизни
И Кесарю собой подать примѣръ!
(При послѣднемъ словѣ на лицахъ всѣхъ изображается ужасъ, а у Туллія многозначительно и мрачно подергиваются брови.)
Противъ болѣзни тягостной и трудной
Рѣшительныя нужны мѣры ... да!
Пусть гибнетъ все, коли нельзя иначе,
Но истина торжествовать должна....
Безъ добродѣтели и истины — нѣтъ жизни!
(Всеобщее смятеніе. Сенаторы посматриваютъ другъ на друга, не зная что дѣлать. Менады имъ глупо улыбаются. Одинъ Туллій сохраняетъ полное спокойствіе.)

Я все сказалъ. Вы по́няли меня....
Я не могу здѣсь дольше оставаться....

(уходитъ.)

АФРАНІЙ.

Безумный юноша! Какъ онъ заносчивъ!
Чего онъ хочетъ, я не понимаю.

ФЛАВІЙ.

По истинѣ, его понять нельзя....
Менады! начинайте пляску.... Вина!
Еще сюда ѳазосскаго вина!...

(Начинаются снова пляски и возліянія.)

ФЛЕНІЙ РУФЪ (про себя.)

Нѣтъ! не снести тебѣ своей главы
О юноша прекрасный! Я вполнѣ
Твоихъ рѣчей значенье понимаю
И о тебѣ скорблю я и страдаю.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Ночь. Глухое мѣсто. На треножникѣ пылаетъ огонь. Во кругъ треножника змѣи, кошки, свиные клыки, папирусы, волшебные жезлы и проч.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛОКУСТА, ТУЛЛІЙ.

ЛОКУСТА.

Ты хочешь вызвать изъ аида духъ
И предложить ему вопросы? Онъ
Появится — за это я ручаюсь,
Но собери теперь всю твердость духа
И за черту никакъ не преступай....

(Очерчиваетъ кругъ и начинаетъ бросать на огонь треножника волшебныя зѣлья.... Вспыхиваетъ синее пламя.)

ЛОКУСТА.

Близко ты, Геката!
Слышу приближенье,
Чую носомъ смрадъ....
Страшно ожиданье,
Близокъ страшный мигъ....
Совершайтесь чары!

(мѣшаетъ въ котлѣ.)

Слышу я, Геката!
Вопли и смятенье....
То ликуетъ адъ!

Голосъ заклинанья
До тебя достигъ....
Подъ землей удары....
(отступаетъ отъ треножника.)
Вотъ она, Геката!
Совершились чары!
Чу!... Совиный крикъ,
Филина стенанье,
Сѣрный дымъ и чадъ....
Дивное мгновенье!...

(Поднимаетъ восторженно руки. Костеръ гаснетъ. Слышенъ крикъ совъ, филиновъ и проч., и изъ дыма поднимается грозный призракъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ПРИЗРАКЪ.

ПРИЗРАКЪ.

Кто звалъ меня?

ТУЛЛІЙ (трепеща.)

Ужасный призракъ!
Отвѣтствуй, что я долженъ предпринять!
Я женщину люблю, люблю безумно;
Она жь другого любитъ. Мой соперникъ
Въ моихъ рукахъ — его я погублю....
Я ихъ могу обоихъ погубить,
Но можетъ быть, она еще ко мнѣ
Преклонитъ взоръ любви и состраданья
Возможно ль это?... Еслижь нѣтъ,

То дайте мнѣ какого нибудь зѣлья,
Иль талисманъ, чтобы ее привлечь....

(Слышенъ адскій хохотъ, отъ котораго у Туллія поднимается дыбомъ волосъ.)

ДУХЪ.

Ты слышишь ли, безумецъ, этотъ хохотъ?
То сонмъ бѣсовъ отвѣтствуетъ тебѣ....
Ты дерзокъ, но Геката дерзкихъ любитъ
И потому внимай ея отвѣтъ:
Апронія любить тебя не можетъ
И нѣтъ еще такихъ на свѣтѣ травъ,
Такого былія, которое бъ могло
Тебя любить Апронію заставить....
Смотри....

(Дымъ и пламя. Когда дымъ разсѣявается, появляется фигура Апроніи; передъ ней Юніи, котораго она нѣжно обнимаетъ. Обѣ фигуры мгновенно исчезаютъ.)

ТУЛЛІЙ.

Ужасное, но вѣрное видѣнье!

ХОРЪ НЕВИДИМЫХЪ ДУХОВЪ.

Именемъ Гекаты
Мы зовемъ трикраты
На полночный пиръ
Весь подземный міръ.
Собирайтеся, духи! собирайтесь скорѣй!
Ужъ въ подземномъ чертогѣ милліоны огней,
И владыки Аида ждутъ достойныхъ гостей!...
Сова прокричала,
Филинъ простоналъ;

Полночь ужь настала,
Начать фестивалъ!...
(Все исчезаетъ. Остаетса одна Локуста, лежащая на землѣ.)

ЛОКУСТА (вставая.)
Ты слышалъ свой послѣднiй приговоръ,
Теперь спѣши отсюда удалиться.

ТУЛЛIЙ.
О, замолчи презрѣнная старуха....
Не вѣрю я подземнымъ силамъ ада
Не властенъ онъ *надъ женщиной* вашъ адъ!
Я адъ ношу въ самомъ себѣ, Локуста,
И этотъ во сто разъ страшнѣй того,
Которымъ ты глупцовъ римлянъ пугаешь!
Ложь, всюду ложь — и на землѣ, и въ адѣ....
Прости, прости! Ты обо мнѣ услышишь....
(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Передъ катакомбой. При свѣтѣ луны.

ЯВЛЕНІЕ I.

АПРОНІЯ И ЮНІЙ.

ЮНІЙ (передъ Апроніей на колѣнахъ.)

О, видишь ли, какъ я тебя люблю,
Моя богиня въ очертаньяхъ дѣвы!
Любить нельзя полнѣй и горячѣе.
Ты легкостью и граціей своей
Діанѣ-звѣроловицѣ подобна,
А красота Венеры предъ тобой,
Какъ звѣздочка предъ лучезарнымъ Ѳебомъ...
Ты римскихъ стройныхъ тополей стройнѣй,
А чистотой подобна голубицѣ....
Величіе во всѣхъ твоихъ движеньяхъ
И строгость благородная въ чертахъ....
Юпитеромъ, въ рукѣ держащимъ громы,
И Марсомъ — богомъ брани, я клянусь,
Что въ мірѣ нѣтъ тебѣ подобной дѣвы.

АПРОНІЯ (потупляя очи, съ граціею.)

Ты милый льстецъ, Апроній.... замолчи....

(Зажимаетъ ему пальчикомъ уста.)

О, завтра день счастливый въ моей жизни
Да, завтра насъ Гименъ соединяетъ —
И наканунѣ строгой рѣчью старца,
Его ученою бесѣдой насладиться
Намъ слѣдуетъ. Онъ насъ благословитъ
На подвигъ жизни. Мудрый, укрѣпитъ
Еще сильнѣе наши убѣжденья...
И мы пойдемъ стоическимъ путемъ
Рука съ рукой — тверды и нераздѣльны!

ЮНІЙ.

Тебѣ я въ вѣчной вѣрности клянусь,
Передъ лицомъ небеснаго свѣтила
Прими мою ты клятву!

(Поднимаетъ руку къ лунѣ, Апронія слѣдуетъ его примѣру.)

АПРОНІЯ.

И мою!...
Теперь ничто насъ въ мірѣ не раздѣлитъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И СТАРЕЦЪ ВОЛУЗІЙ ПРОКУЛЪ.

ВОЛУЗІЙ ПРОКУЛЪ (изъ катакомбы).

Я ожидалъ васъ, дѣти!... Часъ насталъ
Вступите въ катакомбу — благословенье
Принять....

ЯВЛЕНІЕ III.

Въ эту минуту стражи окружаютъ катакомбу. Впереди ихъ Центуріонъ и Туллій.

ЦЕНТУРІОНЪ.

От имени сената,
Я возвѣщаю вамъ его велѣнья:
Апронія, ты — Юній, и Волузій
И всѣ, всѣ соумышленники ваши
Обвинены въ измѣнѣ противъ Рима....

ТУЛЛІЙ (бросается на Апронію и Юнія.)

Дщерь гордая сенатора! скажи мнѣ....
Ты узнаешь презрѣннаго раба?

(Хочетъ схватить ее, но въ это мгновеніе Юній обнажаетъ мечъ и закалываетъ имъ сначала Апронію, потомъ себя и кричитъ:)

ЮНІЙ.

Ты до живой къ ней, извергъ, не коснешься.
Возьмите трупы наши....

ТУЛЛІЙ (отступая, съ ужасомъ.)

Боги! Боги!

АПРОНІЯ (умирая и падая къ Юнію.)

Благодарю тебя, мой добрый Юній....
Ударъ былъ вѣренъ.... Гдѣ ты.... меркнетъ свѣтъ...
Дай руку мнѣ... Молю, не разлучайте
Наши трупы... Гдѣ ты, гдѣ ты, Юній?

ЮНІЙ.

Здѣсь, здѣсь, — у сердца твоего... На вѣки
Я все-таки съ тобой соединенъ...
Хотя не жизнь, а смерть соединила...

(Обнимаютъ другъ друга и умираютъ.)

ВОЛУЗІЙ.

Въ лицѣ ихъ (*указывая на трупы Юнія и Апроніи*)
все, что въ Римѣ лучшаго погибло!
Но близокъ часъ... и рухнетъ вѣчный Римъ
Въ растлѣніи и гордости погрязшей.
Нѣтъ ему спасенья! (*Центуріону*) Объяви ты это
Своимъ сенаторамъ — и къ этому прибавь,
Что стоикъ, старый римлянинъ и воинъ
Умирать умѣетъ.

(Закалывается и падаетъ.)

Объяви же это!...

Центуріонъ, Туллій и стража, пораженные ужасомъ, недвижны.
Занавѣсъ опускается.

ПРИМѢЧАНІЯ.

---

(1) Въ книгѣ XIV Тацитъ говоритъ, что Кесарь давно хотѣлъ непремѣнно появиться на ристалищѣ въ колесницѣ и самъ правитъ конями.

XIV. Vetus illi cura erat curriculo quadrigarum insistere, nec minus foedum studium cithara ludicrum in modum canere.... и проч.

(2) Въ той же XIV книгѣ Тацита: XV.... exstructaque apud nemus, quod navali stagno circumposuit Augustus, conventicula et cauponæ, et posita veno irritamenta luxus, dabanturque stipes, quas boni necessitate.... и проч.

Всѣхъ примѣчаній въ моей драмѣ 264. Прилагаю только необходимыя. Критики могутъ укорить меня въ несоразмѣрности частей моей драмы, въ отсутствіи концепціи, въ безхарактерности дѣйствующихъ лицъ.... Но все это намѣренно. Если художественная сторона драмы потеряла отъ этого — сожалѣю....

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Книжная торговля
В. КЛОЧКОВА.
Спб., Литейн. 55.

LIBRARY OF CONGRESS
00025258216